

The background of the cover is a detailed illustration. A Viking warrior with long, wavy brown hair is seen from behind, standing on a grassy, rocky shore. He is wearing a dark green tunic and dark trousers with brown leather straps. An axe is tucked into his belt. He holds a large, dark, curved blade in his right hand. In the distance, a longship with a dragon-headed prow and a striped sail is on a calm lake. The sun is setting or rising, creating a golden glow on the water and sky. The sky is blue with some clouds. The overall style is realistic and atmospheric.

Александр Фомичев

РАТИБОР
и сыны Одина

Александр Фомичев
Ратибор и сыны Одина
Серия «Ратибор», книга 6

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68746422

SelfPub; 2023

ISBN 978-5-532-91689-0

Аннотация

Прекратила ли со смертью тёмного волхва нависать опасность над могучим воином, или это были лишь цветочки? А если так, то кто же всё-таки хочет заполучить себе в качестве ночной вазы череп рыжебородого витязя? С каким заманчивым предложением пожаловали в Мирград сыны Одина, доброй ватагой завалившись в гости к князю Святославу? Вполне может быть, что ответы на эти и многие другие вопросы удастся обнаружить в шестой части сказания о Ратиборе из племени русов.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Мирград. Терем Святослава	12
Глава 2. Дом Демидия	41
Глава 3. Дубкино	54
Глава 4. На берегу Сигливы	66
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Александр Фомичев

Ратибор и сыны Одина

Пролог

Где-то на Западе. Вскоре после гибели Мельванеса

Высокая, слегка изогнутая, причудливая тёмная башня, мрачная, как непроглядная ночь, подпирая небеса остроко-
нечным шпилем в виде узкой, продолговатой иглы, возвыша-
лась на окраине никогда не спящего многотысячного города
Нурязима, столицы великой Ослямбской империи, жемчу-
жины Западной цивилизации, сразу привлекая к себе всеоб-
щее внимание. В первую очередь тем, какое безмолвие царил-
о вокруг неё. Зловещее безмолвие. Хотя, как порой шепта-
лись испуганно случайные прохожие, спешившие по своим
делам и вынужденные проходить мимо, из самой туры нет-
нет, да и доносились приглушённые жуткие звуки. А точ-
нее, крики. И плач, горький плач, полный ужаса и невыно-
симой боли, порой переходящий либо в звериный вой, либо
в безумный смех. Ещё ни один обычный человек, которому
довелось побывать внутри сего грозного строения, именуе-
мого в народе Башней Страха, назад не воротился, чтобы по-
ведать о том, что же там творится. Да простой люд старался
этим и не интересоваться, разве лишь между очень близки-

ми и родными обсуждая еле слышным шепотком саму башню и происходящее в ней. Говорят, хозяйка сего диковинного строения была колдуньей. Могучей, безжалостной и умалишённой. А с ведьмами и магами связываться не хотелось никому. А уж с сумасшедшими и подавно.

– Рассказывай, Урсула, как так случилось, что мы потеряли нашего брата? – гулкий неприятный голос глухо зарокотал из чёрного как смоль клубящегося облачка в форме шара, что парило по центру округлых апартаментов, находящихся на самом верхнем этаже мрачноватой туры. Сама опочивальня, помимо неказистой кровати в углу да расположившегося недалеко изрезанного древними письменами деревянного столика с самой обыкновенной по виду табуреткой, прикорнувшей рядом, была вся заставлена по периметру книжными шкафами, битком забитыми разной толщины да запылённости древними фолиантами и рукописями. Освещало чудную читальню с три десятка слабо чадающих крупных свечей, примостившихся в тускло-бронзовых вычурных канделябрах, стоявших в специальных выемках на полках между книгами. «Магическая библиотека, не иначе», – подумал бы любой человек, сюда вошедший. И оказался бы совершенно прав. Не добру только служили хранящиеся в комнате бесценные знания, ох, не добру.

– Смертный Мельванеса убил. Смертный! – раздался противный скрежет, переходящий в леденящий душу хохот, чем-то напоминающий лай голодной гиены. – Его же посо-

хом! Просто разломал пополам да всадил одну половинку жезла в глазницу, а другую – в тёмное сердечко нашего самодовольного руса... А перед этим ещё и избил до полусмерти серого волчару! – говорившей на вид могло быть как семьдесят, так и двести семьдесят лет. Слегка подёрнутые седьмой длинные чёрные всклокоченные волосы до талии, узкое морщинистое лицо с вечно бегающими, неопределённого цвета водянистыми безумными глазами и тонкие пересохшие, многократно прокушенные до крови губы довершали отталкивающую внешность старой колдуньи. Росточка она была невысокого, по плечо среднестатистическому западному жителю, ну а самым приметным в её внешности являлся здоровенный горб, скрыть который никакими одеяниями возможным не представлялось. Одета ведьма оказалась лишь в закрывавший её с головы до пят странный лёгкий полупрозрачный балахон с капюшоном. Обладал он удивительными, волшебными свойствами: куда бы ни ступала тёмная ведунья, по её воле то одеяние могло практически мгновенно окраситься в цвет находящихся за спиной владелицы предметов бытия аль местности, отлично с ними сливаясь. Накидка хамелеона обошлась Урсуле в своё время в баснословную сумму золотом да знатную нервотрёпку. Но она того определённо стоила.

– Смертный его одолел? – нотки удивления проскользнули в обычно бесстрастном, равнодушном гласе, звучащем из клубящихся, переплетающихся завихрений парящего при-

мерно в полутора метрах от пола облака. – Ты уверена?

– Обижаешь, Пурагелис... – Урсула неожиданно зарыдала, как дитя малое, а после вдруг злобно загоготала. Быстрая смена настроения, мимики и эмоций явно была характерной чертой для пребывающей, очевидно, не в самом добром здравии и рассудке тёмной ворожее.

– Если мне память не изменяет, Мельванес не проиграл за всё своё долгое существование ни одного магического поединка, лишь однажды сведя противостояние в ничью с самим Белотуром, светлым волхвом, который сродни поражению воспринял результат той зарубы чародейской да испарился опосля в неизвестном направлении, сгинув из виду на долгие годы... Я к чему клоню: без помощи со стороны белёсых сил, поди, не обошлось?.. Не мог наш братец потерпеть крах в бою с простым смертным!..

– Не обошлось, – согласно кивнула успокоившаяся враз колдунья. – Только это был не Белотур. Солнцеликого волхва я бы вмиг учуяла! Но вот кто подмогнул, для меня пока загадка... – Урсула затопталась нервно на месте, завывала, аки выпь болотная, а потом по новой резко вперилась горящим мутным пламенем взором в чёрный сгусток, парящий перед ней. – Да и смертный этот отнюдь не так прост, как кажется! ОдолеЛ Мельванеса в поединке на голых руках, хотя тот выхлебал целый флакон с зельем мощи перед этим! Ещё днём ранее я бы заржала в харю тому наглому стихоплёту, кто мне подобное сообщил, и попросила подать вилы, дабы лапшу с

ушей снять, что мне усиленно сейчас вешают!.. Однако это случилось... Немыслимо! Мельванес в таком состоянии был способен льва порвать на лохмотья, как простынку... И не одного! Да что там, стадо буйволов смёл бы со своей дороги и зенками не моргнул!.. И всё равно потерпел неудачу... Чудо пакостное приключилось, не иначе! Похоже, Славянские Боги благоволят его противнику!.. Никак, печатью ихней дух отмечен этого могучего воителя...

– Как твой ученик? – Пурагелис, верховный маг Роковой Длани, немногочисленного, но очень могущественного общества тёмных волшебников, прервал начавшую было бубнить себе под нос забывшуюся Урсулу, с головой погружившуюся в собственные мысли.

– Зоривес практически готов! Ещё пару месяцев максимум, и обучение можно будет завершать... – горбатая ведьма впилась пристальным взглядом в клубящееся смоляное облако. – С какой целью интересуешься?

– В землях русских варваров нет более нашего человека. А территория их обширная ценна неимоверно, ибо богата душами людскими, мясом, водой и лесом. Сама Жизнь правит там, и с этим надо что-то делать... Кто будет гнить по свету разбрасывать в тамошних владениях да тьму распространять? Надо бы замену Мельванесу нашему подыскать. Тебя вот думаю поставить наместницей тех угодий диких, а Зоривеса на освободившееся место на Западе... Ты согласна? И твой воспитанник справится в Нурызиме без няньки-то?

– Спрашиваешь!.. Конечно, согласна! Всегда мечтала с за-
тухающего Запада на Восток необъятный перебраться! Сущ-
ности людские там в основной массе своей могучие, непо-
корные и девственно-чистые, не то что тутова, одни чахлые
да порченые попадают в последнее время... Три к одному
в среднем идут по качеству в пользу славян, не меньше! Мо-
лодость смогу, наконец, восстановить, красоту навести... А
Зоривес сдюжит здесь и без меня!.. Зря, что ль, я его растила,
обучала?! Столько сил, времени и средств вбухано!.. – с тру-
дом сдержавшись, чтобы не подпрыгнуть от радости, утвер-
дительно прохрюкала довольная Урсула, нервно при этом за-
дёргав головой, затем задумчиво пожевала губами и вопро-
сила: – Ты недоговариваешь чего-то? Что, мстить за Мельва-
несика собрался? А стоит ли? Как мне чешется, это внутрен-
нее дело русичей, с необычным для тёмного волхва исходом,
конечно... Но всё же скорее воля случая! Ну да, допустим,
даже кто-то из светлых вмешался... Это уже будет моя го-
ловная боль, когда заступлю смотрителем Востока! Но чтобы
целенаправленно уничтожить повинного в гибели этого са-
мовлюблённого павиана... Как-то ниже нашего достоинства
за смертным охоту устраивать, нет?

– Не всё так просто!.. – снова перебил полоумную ведьму
гортанный голос из чёрного облака. – Сегодня поутру Суд
Божий состоялся над духом Мельванеса...

– И?! – Урсула, страшно подвывая, от нетерпения аж по
комнате заскакала безумно туда-сюда, и никто не дал бы ей

сейчас и больше пятидесяти, с такой прытью она принялась нарезать круги. – Не молчи! Каков итог сего судилища?!..

– Постановили его сумеречную душу Славянские Боги отправить на беспрестанное покаяние сроком на десять веков, а опосля к медленному распылению оную приобщить, то бишь к разложению на прах тленный, подлежащий развеянию по Бескрайним Просторам Мироздания... А ты ведаешь, что это означает! Возродиться Мельванесу когда-либо в какой-нибудь, даже самой паршивой, телесной оболочке уже не суждено: он приговорён Перуном, Сварогом и Велесом к смерти. К настоящей гибели, из которой возврата уже нет, как ни крутись волчком и ни ползай на карачках, моля о пощаде... Можем ли мы закрыть глаза и сделать вид, что произошедшее нас не касается? Не можем, ибо касается, Урсула, и ещё как! Ведь на месте Мельванеса мог оказаться каждый из нас...

– Не каждый! – буркнула угрюмо колдунья, после гадко захихикав. – Мельванес был силён, спору нет. Но самодоволен и глуп! Думал чем угодно, только не мозгами! Да и похоже, насчёт того, что не проигрывал он, погорячился ты... Кто-то или что-то его сильно подпалило, скукожило да сморщило месяца за полтора-два до смерти; явно не в лучшей форме находился наш братик на момент своего последнего боя...

– Не нравится мне, когда я чего-либо не знаю! Развей всё по делу нашего павшего соратника и доложи! – не

терпящий возражений грозный рык из чёрного облака зычным эхом прокатился по магической библиотеке старой Урсулы. – Ты меня услышала?

– И очень хорошо, – прошамкала в ответ горбатая ведьма. – Сделаем...

Глава 1. Мирград. Терем Святослава

День возвращения из Бобруйской слободы

– Что у тебя под глазами, батька?! – счастливая Власта, первой взгромоздившись Ратибору на шею, прикладывала все возможные усилия, дабы не позволить Буреславу сменить её с насиженного места. Борьба за уютное сидалище развернулась нешуточная: юный топтыгин, слегка задремавший и потому пропустивший возвращение отца, упрямо сжал зубы, даже в мыслях не думая уступать проказнице сестре, и в очередной раз принялся карабкаться ввысь, по могучему торсу рыжего великана, который с лёгкой улыбкой наблюдал сверху за смешными потугами своих ненаглядных чад.

– Хороший вопрос, между прочим!.. – Марфа, только что крепко-накрепко обнимавшая любимого, отпрянула от мужа и принялась внимательно его разглядывать. – Что за синева? И с носом что?! А с лапой?!

– Да я, это... С коня плюхнулся мордахой, да прям об камушек окаянный... – смущённо пробормотал Ратибор, расчёсывая безбожно зудевшие царапины на левом плече, оставленные ему на память тёмным волхвом. Проходить они и не думали. Наоборот, казалось, что покраснение и зуд во-

круг них всё усиливаются. – Бывает же...

– И сколько раз подряд грохнулся? – Марфа гневно упёрла руки в боки. – Я сейчас не поняла, ты чего, врать мне удумал?!

– Да что ты такое говоришь, милая...

– После бочки медовухи, что ль, был?! Пьянствовал там, поди?! Может, ещё и на дивчин местных заглядывался?!

– Дорогая моя, кажись, ты немножко зарумянилась в этой духоте... Может, тебе охладиться сходить? Вон, у князя есть прудик мелкий, бушь там, аки лебёдка распрекрасная, горделиво рассекать водную гладь...

– Я бы тебе сказала, раскрасавец кудрявый, на что ты походить будешь, дрейфуя по волнам малым, образовавшимся в заводи от твоих же ветров, да боюсь расстроить, ибо это даже не тюлень! Это вообще сильно напоминает то, что не тонет даже в бурю суровую!

– Благодарю за «добрые» словеса, малышка, – Ратибор угрюмо стащил с плеч недовольно упирающуюся Власту и нежно положил их вместе с Буреславом на кровать. – Фекалькой ты меня ещё не называла. Пойду я, пожалуй, тогда. Чую, в этой конуре не все мне рады...

– Подожди!.. – Марфа поняла, что перегнула палку, и бросилась к собравшемуся уходить Ратибору, крепко его обняв. – Прости, медвежонок... Все тебе рады здесь, все! И не обращай внимания на меня! На нервной почве несу околесицу всякую, порой, сама не понимаю, зачем и для чего...

«Медвежонок» ничего на это не ответил, а лишь приобнял свою красавицу жену да обоих отпрысков, что не преминули по новой пойти на штурм «могучего дуба». Так и замерли они молча, наслаждаясь теплом друг друга; родная кровинушка согревает почище пламени яркого. Всё было понятно без слов: семья снова в сборе; это ли не прекрасно?

Святослав, вскоре после отбытия в очередной поход вспылчивого витязя, забрал близких молодого богатыря в свой терем, решив, и не без основания, что уж где-где, а в княжеских хоромы родные рыжебородого «вулкана» точно будут в безопасности. Двух просторных гостевых комнат, выделенных Марфе с детишками, с лихвой хватило всем трем, и вот Ратибор стоял теперь, обнявшись с ними, и думал, что надо бы всё же помягче с князем как-то глаголить; явно ведь старый друг зла ни ему, ни его дорогим домочадцам не желает.

– Добролюба тебе требуется посетить! – Марфа между тем отпрянула от мужа и беспокойно стала рассматривать краснеющие царапины на его плече. – Это не обычная рана! Чего-то с ней не так... Как бы хворь какую не занёс!..

– Да всё будет нормально! – Ратибор беззаботно хмыкнул. – На мне такое заживало, ух, а это так, царапки несчастные! Скажи лучше, Ростомир не заглядывал? Ты помнишь, что Буреслава скоро в Малую Дружину отдаём? И так припозднились! Я в его возрасте вовсю уже с топором за дружками бегал!

– Хорошо хоть, не за подружками... – Марфа бросила грустный взор на завизжавшего от радости Буреслава, не преминувшего показать язык насупившейся сестре, страшно недовольной, что брата отправляют на обучение делу ратному, да без неё.

– И за ними тоже сигал! Правда, с оглоблей... – улыбнулся себе в бороду Ратибор. – Ну так чего, заходил старик или нет? Мы с ним условились, что заглянет, посмотрит одним глазком на будущего витязя! Забрать он нашего сынишку должен сразу же на обучение, как только немного всё уляжется и вы сможете спокойно снова в доме нашем жить! Из-за этой ситуёвинки пакостной с разными головотяпами, что за моим черепком хаживают регулярно, и подвисло усё в воздухе, аки дохлая лягуха в трясине гиблой...

– Да заходил наставник! – Марфа через силу улыбнулась. – Одобрительно поглядел на Буреслава и сказал, что однажды уже обучал точно такого же рыжего топтыгина науке воинской. Лет двадцать назад. «Лучшим у меня был», – поглаживая седую бороду, буркнул Ростомир напоследок да вышел.

– Я тоже хочу воином стать! – обиженно прокричала Власта, споро и ловко вскарабкавшись по новой на плечи отцу и тут же принявшись колотить его по взъерошенной шевелюре малюсенькими кулачками. – Хочу в княжью дружину! Я там всем мальчишкам хвосты поотрубаю и в рот запихаю! Заместо полдника будут жевать!

– В этом, моя боевая лисичка, я не сомневаюсь! – рыжебородый витязь громогласно расхохотался. – Мамку упрашивай, доча, я-то не против. Ростомир, правда, заартачится наверняка, мол, не дело это женское, но мы уж его как-нибудь да уболтаем...

– Ещё чего! – воскликнула Марфа раздражённо, опять уперев руки в боки. – И не мечтайте! Не пущу!

– Дорогая моя, что плохого в том, коли наша девочка сможет за себя постоять? Жизнь, штука сложная да опасная...

– Плохого ничего в этом нет, да только навыки необходимой самообороны можно и дома разучить, коли один непутёвый рыжий баловень сподобился бы почаще до избышки нашей доходить! И для этого нет надобности вступать в дружины всякие, хоть малые, хоть средние!

– Ма!.. – Власта недовольно завизжала, причём почему-то прям на ухо отцу, после чего принялась с силой дёргать его ушные раковины туда-сюда. – Я валькирия!

– Марфуш... – могучий гигант прищурился одним глазом, как от щекотки. – Меня сейчас по кирпичику разберут...

– Я сказала – нет! – русоволосая красавица упорно стояла на своём, проигнорировав свою ненаглядную «валькирию». – Мало мне было одного рыжекудрого медведя, которого дома лишь на праздник лицезреть можно, да и то не на каждый, так ты уговорил меня ещё на сына, чтоб пошёл твоей стезёй! Ладно, согласна, мужское это дело, головы воро-

гам сворачивать, но дочку я вам не отдам!..

– Может, пущай сама решает?.. – молодой исполин уже серьёзно взглянул на разгневанную жену. – Мне сложно её винить за желание стать воином, коль ручки к мечу сами тянутся!..

– А ты ей потакай побольше! Вместо бус да браслетов всё так же ножи метательные да тесаки разные дари! – Марфа отступать и не думала. – Уже и складывать некуда это барахло, целая корзина забита доверху!..

В этот момент в дверь робко постучали, прервав разгорающуюся ссору.

– Ну?! – громоподобный рык Ратибора прогремел, казалось, на полкрыла княжьего терема.

– Здравия, Марфуш! Не помешал?.. Бур, Власта, прям богатырь да богатырка, совсем воители уже, хоть завтра в сечу!.. – в комнату неуверенно протиснулась русая головушка Яромира, оглядывая воссоединившуюся семью старого приятеля. Детишки Ратибора довольно засопели на столь лестную похвалу от славного витязя. – Простите покорно, что отвлекаю, но придётся мне похитить вашего батеньку... На время! – прервал раздавшийся было возмущённый ропот голосов воевода. – Рат, – Яромир, прищурясь, бросил вопрошающий взор на могучего друга, – княже купцов спровадил, освободился и желает тебя видеть... Пошли, ась? Сам знаешь, нам есть что обсудить...

– Пошли погутаим... – Ратибор по новой любя скинул

на кровать обоих своих «медвежат», возмущённо на это насупившихся, чмокнул нахохлившуюся Марфу в щёчку и со словами: – Ещё поговорим. Скоро вернусь! – живо вышел из опочивальни вместе с товарищем.

– Только воротился и опять ушлёпал! – русоволосая красавица ошарашенно посмотрела им вслед и досадливо всплеснула руками. – Думается мне, – тяжело взглянула она на своих деток, – не медведь косолапый ваш батька, совсем нет, а самый настоящий рыжий козёл!

– Ма!.. – Власта попыталась сделать жалостливое личико и даже выдавила на румяные щёчки несколько крупных слезинок. – Я хочу в дружину!..

– Нет! – Марфа рявкнула так, что в комнате мигом настала мёртвая тишина. – Только через бездыханные мои тела если перешагнёте вдвоём!..

– Золотишко-то забрали? – вопросительно гыркнул Ратибор, следуя за старым другом извилистыми коридорами родового гнездовья Святослава. – К седлу куль приторочен...

– Усё нормально, – кивнул Яромир, – всё у княже на столешнице... Пересыпал из ларца, что ль, ибо так везти в дороге удобнее?

– Ну да! Сундучишко уж больно громоздкий...

– Ясно...

– Намекни, что ль, Яр, кто тот неразумец облезлый?.. Ну который заказ на мою ряху повторил?

– Сейчас до князя допелёхаем, дружище, он тебе всё и поведаёт. Свят вызнал, ему и слово молвить!..

В этот момент неожиданно нос к носу с двумя приятелями в узеньком проходе столкнулась заплаканная Лютега, княгиня Мирграда, жена Святослава. Русая прелестница была в превосходно сшитом, но без особых изысков, тёмно-коричневом сарафанчике, подобранном, похоже, под цвет бушевавшей в душе бури. Никаких, обычно столь любимых властительницей, дорогих ювелирных украшений на ней не виднелось, что представлялось очень странным, ибо раньше на княгине всегда красовались искуснейшей работы диадема с подвеской да золотые серьги с бриллиантами, изумрудами аль рубинами. Святослав монет на красивые побрякушки для своей женщины никогда не жалел, и хранился у Лютеги не один ларец массивный, доверху набитый чудесными ожерельями, браслетами да колечками с камушками драгоценными. Но похоже, что «чёрная кошка» пробежала между правящей четой Мирграда, и подарки князя были заброшены в дальний угол специально, от обиды сильной. Что-тостряслось...

– Здравствуй, Лютик... – буркнул Ратибор, тут же поражённо осёкшись на полуслове, когда ему в физиономию на мгновение яростно сверкнули мокрые от слёз, подёрнутые лёгкой дымкой злющие глаза янтарного оттенка. По левой

стороне опухшего, зарёванного личика светловолосой красоти добро налился здоровенный синяк фиолетового цвета, светившийся в лёгком полумраке пролёта, как слабо чадающая лампада в непроглядной ночной мгле. Также у княгини оказались сильно разбиты верхняя губа и правая бровь, да ещё несколько разномастных ссадин виднелись на лбу. Следы побоев были довольно свежие, примерно двух-трёхдневной давности.

– Здравствуй... – лишь на миг ещё раз подняв уже испуганные очи и тут же их опустив, едва слышно пролепетала Лютега, быстро прошмыгнув мимо ошеломлённо замерших на месте друзей и споро умчавшись далее по коридору. За ней, потупив глаза в пол, шустро проследовали две неприметные служанки и её верный телохранитель Брадигост, высокий дюжий воин с добротным булатным клинком на поясе. Последнему, правда, так легко уйти не удалось, ибо могучая длань врезалась в стену терема, преградив мрачному витязю путь.

– Кто?! – прорычал взбешённо Ратибор, глядя в каменное лицо Брадигоста. – Я что, тихо спросил? – разгорающееся всепожирающее синее пламя встретилось с ледяным холодом сверкнувших на него в ответ серых, подёрнутых свинцовой пеленой глаз.

– Сам-то как думаешь? – телохранитель зло вперился угрюмым взором Ратибору в зыркули. – Много кому позволено в этих проклятых хоромх лупить безнаказанно кня-

гиню почём зря? Пусти! – Брадигост положил руку на сгиб локтя рыжебородого богатыря и попытался с силой смахнуть его длань со своего пути, но это было так же бесполезно, как биться головой о скалу; перегородившая проход могучая лапа даже не шелохнулась.

– Хороший из тебя хранитель, коль позволяешь свою государыню почём зря уродовать!.. – бросил с жару Ратибор в застывшую в гримасе бешеной злости физиономию. – Мечто у тебя для чего с собой?! Чтоб из ноздрей таракашек выковыривать?

– Именно! – Брадигост сделал шаг назад. Очи его жутко сверкнули; длань бойца покоилась на рукоятке палаша. – Могу в твоих ковырнуть, ежели проблемы с насекомыми преодолевают! Хотя, похоже, тебе успели прочистить носопырку до меня! – телохранитель являлся опытным воином и прекрасно знал, что за тёмно-синие круги гуляли под глазами молодого богатыря.

– Ишь ты, какой дерзкий!.. – Ратибор оценивающе окинул взглядом крепко сбитого охранника Лютеги, лишь немного уступавшего ему самому ростом и косой сажени в плечах. – Слышал я, что ты был лучшим в Змейграде, откуда тебя и выписали... Пожалуй, хотел бы я посмотреть, кто, кому, что и где расковыряет...

– Как-нибудь в другой раз, братцы, в другой раз! – Яромир, практически на корню пресекая намечающуюся ненужную склоку, вырос между двумя витязями, заглянув пер-

во-наперво в зенки своему рыжекудрому приятелю. – Рат, у нас дело важное, помнишь? – после чего скомандовал через плечо Брадигосту: – Ступай уже, Брад, догоняй княгиню!

Телохранитель не заставил себя долго упрашивать и тут же, не забывая, впрочем, настороженно коситься на хмуро на него взирающего Ратибора, проскочил мимо двух друзей да торопливо последовал вслед за госпожой.

– Я не понял, что это было?! Свят Лютегу поколачивать начал? Пережрал хмеля, что ль?! – Ратибор сумрачно зыркнул на воеводу, недобро при этом оскалившись. – А сам князь не хочет затрещину смачную в чердак словить?! Сейчас так ему шандарахну по маковке, что всю оставшуюся жизнь будет у Добролюба в лечебнице на кушетке загорать да с «умным» видом в потолок тарашиться, при этом регулярно ходя под себя!

– Рат, не лезь! – Яромир встревоженно вылупил на товарища. – Я не ведаю, что у них меж собой приключилось, но не наше это дело!.. Как известно, милые бранятся – только тешатся...

– Ничего себе побранились да потешились! – Ратибор стремительно зашагал к княжеским палатам. – И чьё это дело, моё аль нет, я сам решу!.. – кулаки его были крепко сжаты, а в глазах сверкали молнии.

– Не к добру... – лишь еле слышно пробормотал Яромир и, тихо выругавшись, сокрушённо покачал головой, споро поспешив вслед за другом. – Ох, не к добру!..

– Приветствую, княже!.. – Ратибор привычно, могучим пинком отворив дверь в обеденный зал, как завелось у него в последнее время, без стука ввалился к правителю Мирграда в трапезную. На этот раз он оказался без секиры, но с двумя топориками за поясом. – Как здоровьице? Не кашляешь?.. – рыжеволосый гигант осёкся на полуслове, удивлённо уставившись сначала на Святослава, задумчиво восседавшего во главе стола с лежащим перед ним развязанным мешком с золотишком, добытым тремя друзьями в Проклятой долине, а опосля и на расположившегося от него левее Емельяна, не спеша потягивающего игристый квас из узорчатого кубка. Сидевшего же чуть далее столь нелюбимого молодым богатырём главного советника Тихомира, с отвратным урчанием только-только приступившего к поглощению аппетитной бараньей ноги, Ратибор и вовсе не заметил, как будто перед ним пустое место находилось. При виде рыжебородого великана тот слегка поперхнулся, оторвался от трапезы, взял уминаемое им блюдо да молча пересел на другой конец стола, подальше от новоприбывшего гостя.

– А ты тут чего делаешь, плюшка голубиная? – Ратибор, проигнорировав советника, ответившего ему взаимностью, вопросительно поднял бровь, вперившись взглядом в княжьего племяша. – Заплутал, что ль? Я думал, ты к Жильке

помчался на всех четырёх, аки олень белохвостый!..

– Успеется к Жильке... – Емельян не отвёл взор, спокойно встретившись глазами с рыжим товарищем. – Сначала всё же я решил забежать в родные пенаты, дабы занести свои пожитки в надёжное местечко, вместе с кафтанчиком моим красным бесценным, дабы не потерялся где по пути... Так дорог он мне стал, прям не могу! – молодой летописец едва заметно подмигнул понимающе хмыкнувшему на это Ратибору, после чего продолжил: – Также ополоснуться с дороги дальней надобно было, благо купальня и днём и ночью в теремке в готовности боевой. Ну и дяде, само собой, треба из первых уст, так сказать, доложить о том, как съездили, скольких и кого пришибли... Да и вообще, остался ли кто в живых в наших юго-западных угодьях после того, как там потоптались давеча лапы одного небезызвестного вспылчивого шатуна... Не безлюдна ли территория та сделалась, не превратилась ли в пустыню тоскливую...

– Скорее, Емеля, живность там вымереть могла вся аккуратно после того, как один юный баснописец ветерков шепчущих напускал, густым туманом, аки ковром махровым, укутав тамошние земли!.. – Ратибор прошёл в зал, плюхнулся на ближайшую лавку, схватился за кувшинчик с квасом и принялся жадно, слегка проливая себе на грудь, из горла хлебать любимый напиток, благо у Святослава на столе он всегда был отменного качества. Между рыжебородым витязем и владыкой Мирграда тихо опустился на скамейку Яромир,

положив рядом булатный меч в ножнах. Тревога в его глазах никуда не делась.

– Добренько! – Ратибор залпом осушил свой жбан до дна, знатно рыгнул да пробасил на полтерема, мрачно взирая на поднявшегося князя, неспешно к нему бредущего: – Собственно, я чего пожаловал...

– Твоя плата. За отличную службу! – подошедший Святослав слегка перегнулся, водружая перед рыжеволосым великаном одну за другой две внушительные стопки золотых монет, весело при этом звякнувших. – Сверх жалования! Заслужил! – после чего, дружески хлопнув старого товарища по могучей спине, так же медленно вернулся назад, стянул простой тесьмой куль с золотишком да отзвонил в стоящий перед ним на углу столешницы колокольчик, велев тут же явившемуся на зов Брониславу оттащить увесистый тюк в казну. – Ты знаешь, тебя выгодно в походы дальние засылать, Рат! Как ни воротишься с них, так мошна мирградская добро пополняется!.. – князь сел во главе стола, отхлебнул из стоящей пред ним чарки с вином и довольно пропыхтел: – Мирославу передайте, свою часть надбавки у казначея пускай заберёт. Емельке уже отсыпал... Удачно съездили, как я слышал!

– Это, конечно, хорошо, – Ратибор неторопливо сгрёб кругляши в поясной кошель, мгновенно от этого разбухший, – да только я затем пожаловал, чтоб выяснить...

– Савросий, – Святослав устало откинулся на стуле. – Он

это.

– Не понял?..

– Что ты не понял, Рат? – князь слегка прикрыл очи, тяжело вздохнул и, еле заметно прищурившись, внимательно зыркнул на могучего исполина. – Савросий повторил заказ на твою ряху! Неужель запамятовал, что ента за олень? Купчишка такой, породы волчьей, которого вы с Миркой нахлобучили в Дубкино на пару лоханок...

– Я прекрасно помню, кто такой Савросий, ибо слабоумием не страдаю покамест!.. – мрачно буркнул Ратибор. Глаза его засверкали тёмно-синим пламенем. – Уверен, что это он? Откуда вызнал?

– Уверен. Он. Источники у меня свои надёжные есть. Раскрывать уж все карты не буду, не серчай, – Святослав вопросительно уставился на молодого богатыря. – Что тебя смущает, дружище? Вы его опрокинули на ладьи с товаром, он затаил обидушку да в ответ напакостил, всё логично...

– Логично, да не очень... – Ратибор раздражённо почесал не прекращающее зудеть плечо, что не укрылось от внимательных глаз князя и Яромира, медленно потягивающего красное вино из кубка и до сих пор в разговор не встретившего. – Я-то кумекал, что пообщались мы с ним около «Дубравы», кабака тамошнего, на вполне понятном нам обоим наречии и более этот склизкий пухляш не захочет даже в страшном сне лицезреть мою оскаленную харю, да похоже, хуже я в людишках разбираюсь, чем думал...

– Так может, он и не рассчитывал ещё раз наблюдать перед собою твою милую в своём безудержном гневе физиономию, коль назначил за неё три сотни золотом, ась? – воевода отвлёкся от поглощения добротного винишка и покосился на старого приятеля. – По крайней мере, в живом обличии, так сказать, не чаял уж наверняка увидеть более...

– Савросий, значит?... – между тем озадаченно протянул хранивший последние несколько минут молчание Емельян. – Очень странно... Мои источники про него не упоминали... – княжий племяш осёкся на полуслове, словив на себе на миг исказившийся нешуточной яростью взгляд дяди.

– Это потому что мои источники понадёжнее твоих будут! – Святослав продолжал недовольно взирать на непутёвого летописца. – Уяснил? – бросил князь враз оробевшему племяннику чуть ли не враждебно, явно распаляясь не к месту, ибо повод для столь бурных волнений был ничтожный.

– Уяснил... – смущённо пробормотал Емельян.

– Вот тогда сиди, молчи да слушай, пока старшие разговаривают! — рявкнул зло Святослав.

– Это что же получается, – пророкотал тем временем озадаченно Ратибор. – Савросий, значит, вошь серозада, является тем самым окаянным виновником свалившихся на мою семью невзгод? А как он ента провернул? Ты ж верещал, Емеля, что оформили заказец в Мирграде второй раз? Значится, всё-таки через посредников действовал?

– Ну да, – тихо крякнул вперёд княжьего племяша сидя-

щий в отдалении Тихомир. – Проще пареной репы, лишь бы денежки водились...

– А ты откель знаешь, дрянной человечек? – Ратибор медленно обернулся к советнику, как будто только что его заметив. – Доводилось уже пользоваться услугами Ночного Братства?

– Да что ты, что ты, я чист, как родниковая слеза, кхе-кхе!.. – Тихомир аж поперхнулся сочным куском баранины, густой жир с которого обильно стекал у него по подбородку. – Просто люди разное балакают! Имеющий уши да услышит!

– Сиди-ка ты лучше тихонько, не раздражай меня и не вякай, жидкий мазок подхвостья ослиного, покамест я тебе лопухи твои растопыренные не оборвал, аки пожелтелые листья осенней порой ветерок обдирает, – буркнул ему Ратибор, после чего задумчиво продолжил рассуждать вслух, не обращая больше внимания на враз заткнувшегося советника: – Значится, обиду на меня затаил купец волчий? Череп мой заказал себе под горшок, а вдобавок спелся с Добранием?.. Ну а когда писака рискнул, скорее всего, под принуждением, то есть отозвал от моего дома охрану, раскрылся и не нужен стал более Савросию, нанял тот лиходеев каких бессовестных да отправил к богам на пир этого непутёху вместе с семьёй? Дабы ненароком к нам в лапы писарь глуповатый не попал и не сдал заказчика, то бишь самого серозадого хряка, с потрохами?

– Ну да, – согласно кивнул сидевший рядом Яромир, – мозаика сложилась вроде ровно! В принципе, всё складно выходит, нет?!

– Допустим... – Ратибор нахмурился, пробарабанив пальцами по столу так, что стоящие недалеко кубки с кувшинами чуть ли не подпрыгнули на месте от испуга. На пару с прикончившим, наконец, баранью голяшку Тихомиром. – Получается, Демидия тоже Савросий убрал? Ну, не самолично, естественно!.. Вызнал что, похоже, мой знакомец в торгашеских кругах, благо сам лавочник прожжённый... был.

– Не понял... – Емельян огорошенно уставился на восседающего напротив Ратибора. – Как... убрал?.. Убил, что ль?! Демидия убили?! Это такого купца полноватого, с которым мы у Мефодия в «Дальней дороге» познакомились? А опосля, спустя примерно полтора года случайно повстречали на Кривом тракте? Аккурат после того, как ты на обратном пути в столицу, когда за Благаной мотались, раскидал там походя шайку головорезов по ухабистой стёжке, что продыху не давали торговцам честным, спешащим из Мирграда в Борград и обратно? Детали нашего знакомства с ним, правда, я малость запамятовал, врать не буду, ибо находился порядком в глубине страны грёз хмельных, кхы, да, – княжий племяш смущённо кашлянул. – Но вторую нашу встречу помню хорошо... А ты что, попросил его разведать, что ль, неясности какие по твоей проблеме? Мало ли, разнюхать удастся чего? И купца вскоре умертвили?.. Во дела!..

– Угу, попросил... Теперь сокрушаюсь, аж немоготу, да воротить всё взад ужель не выйдет... – Ратибор гневно сжал кулаки и хотел было бахнуть от души по столешнице, но встретился с предостерегающим взором Святослава, буквально умолявшим пожалеть его новый дубовый стол, после чего таки сдержался и маханул лишь с силой могучей пятернёй по воздуху. – Савросий, погань вонючая, пожалеет ещё о том дне, когда на свет белый вылутился, обещаю!

– Не сомневаюсь в этом, – пробормотал еле слышно князь и, уже заметно громче, произнёс: – Он на следующей седмице будет проходить по Сигливе с парой своих судёнышек, на этот раз, правда, в обратку, то есть на Восток гребёт, за новыми товарами. Ну и, как обычно, остановится в Дубкино, запастись припасами съестными да питьём для дальней дороги. Заказ, со списочком необходимого, он уже прислал с голубками тамошнему старосте Волонию, чтоб подготовили к его приезду. В общем, перехватить успеете купца да плотничком пообщаться по-дружески, коли не будете с усилием тянуть бурёнку за вымечко. Ну а опосля задержитесь в деревушке маленько. Ещё одних гостей дорогих надобно будет встретить в Дубкино. На этот раз ласково. С Севера к нам пожаловать изволили. Как вещают, с предложением, способным обогатить Мирград – невероятно. Точное время прибытия я ещё уточню и голубем вышлю Волонию. Едут Ратибор, Мирослав и дружина наших витязей, рыл пятьдесят, не меньше... А лучше – сотня! Надо представительно выгля-

деть встречающим да показать, кто здесь хозяин! Ну а чтобы вы и северяне не переубивали друг дружку при встрече, отправляю с ватагой и Яромира. Главным. И воевода мой, что само по себе внушает, и башня на плечах холодная... – Святослав покосился на Ратибора, угрюмо вперившегося в него взглядом.

– Чего там, с варягами якшаться удумал?

– Я понимаю, Рат, как они тебе «дóроги», но просто послушать хоть можно, чего им надобно? С миром же они к нам!

– Ну-ну! Эти головотяпы, Свят, с миром только на нужник ходят, да и то потому, что украсть там нечего, окромя своих же удобрений... – Ратибор презрительно сплюнул на пол.

– Не бухти, дружище... – князь неодобрительно покачал светлыми кудрями.

– Знаешь, Свят, пока не забыл! Чего-то у меня чешутся...

– Давай без интимных подробностей, Рат, что там у тебя чешется, а сходи лучше искупнись, баню посети. Помогает, уверяю!

– Да не, княже, от такой чесотки банька не поможет! Ибо кулачищи мои зудят, аж горят синим пламенем! – Ратибор недобро насупился. – А знаешь, с чего такая оказия? Да с того, что еле сдерживаюсь, дабы не шарахнуть по маковке одного сидящего за этим столом ополоумевшего владыку, решившего, что может бить свою женщину почём зря!

В комнате настала мёртвая тишина, и лишь слышно было,

как приглушённо охнул княжий племяш. Яромир, Емельян и Тихомир во все зыркули поражённо таращились на Ратибора со Святославом. Те сидели примерно с минуту, не моргая, глаза в глаза, буравя друг друга тяжёлыми взорами.

– И что же остановило твою лапу от столь непоправимой ошибки, потапыч? – Святослав первым прервал затянувшееся молчание.

– То, что знаю тебя с юных лет как порядочного малого! А также то, что не один пуд соли вместе слопали! Ты отродясь не кичился своим высоким положением, не брезговал есть из простого котелка с обычными ратниками стряпню походную и за нашими спинами никогда не прятался в сечах лютых! Кабы не всё это, не посмотрел бы я на титул твой, князь! – Ратибор был мрачнее тучи. – Но если ещё раз повторится, то уж не обессудь: так врежу по темечку, костей не соберёшь!.. Я сказал!

В этот миг, слегка снимая повисшее в воздухе напряжение, дверь в трапезную отворилась, и в залу влетели два мальчика-близнеца восьми лет от роду, Белозар и Горислав. Они яростно сражались на одноручных деревянных мечях, прикрываясь дубовыми щитами Малой Дружины, и не замечали никого и ничего вокруг. Похоже, с попеременным успехом победа в поединке, как непостоянная красавица, металась между двумя юными воителями, то мимолётно ускользая, то вновь приближаясь к кому-то из них. Охрана на входе мешать им и не подумала. Да, сыновья князя могли трени-

роваться где захотят. Ну почти где захотят.

– Эй, эй! – Святослав громко хлопнул в ладоши, прерывая потешный бой. – Бел, Гор, я предупреждал, чтоб не мешали, когда у меня совещание?

– Извини, отец! – близнецы, тяжело дыша, синхронно со смущением пожали плечами, не прекращая при этом исподлобья испепелять каждый своего оппонента яростным взглядом.

В это мгновение в обеденный зал спешно влетел обучающий детей князя владению палахом мастер клинка Гузиар, почтенного вида муж лет пятидесяти на вид с белёсой благородной бородкой да переливистыми седыми прядями в редющей с годами гриве каштановых волос.

– Прощу прощения, властитель! – отчеканил звонко учитель фехтования, быстро схватив юных учеников за руки и выводя их прочь из трапезной. – Моя вина! Не доглядел! На миг лишь к Добролюбу заглянул, присыпки его чудесной травяной от мозолей попросить, а близняшки уж умчались далече...

– Всё нормально, Гузиар... В лечебнице недавно был? Как там Держена, не знаешь?

– Твоя дочь спит крепким, здоровым сном, аки младенец, князь! Сыпь водянистая почти прошла, но Добролюб до сих пор не отходит от неё ни на шаг! А сейчас и княгиня подоспела рядышком посидеть...

– Благодарю за славные вести, мастер! Свободен.

Гузиар с достоинством поклонился и вышел, прикрыв за собой створки дверей.

– Детки, отрада наша да гордость... – князь взглянул на Ратибора. – Когда Буреслава в Малую Дружину отдавать собираешься? Чего-то ты затянул...

– Как только головёнку Савросия на пику надену и удостоверюсь, что заказ с моей ряхи снят, то есть моей семье более ничто не угрожает!

– Хорошо... Что у тебя с Лютегой? – Святослав по новой тяжело вздохнул, после чего вцепился внимательными очами в недоумённо поползшие вверх брови рыжебородого витязя. Столь неожиданный вопрос явно застал того врасплох.

– Э-э-э... Не понял?! – Ратибор озадаченно крикнул.

– Ты недавно обнимался да целовался с моей женой! – князь внезапно гневно стукнул по столу кулаком, опрокинув парочку полупустых кубков. Вино кровавым ручейком принялось не спеша растекаться по столешнице, доползая до края и лениво капая на пол. – Причём прямо в моём тереме!

– Что за поклёп несусветный?! – в гробовой тишине прозвучал тихий, но вместе с тем страшный звенящий рык молодого богатыря, из-под кустистых бровей смурно уставившегося на своего повелителя. – Ты чего, княже, после бурных возлияний хмельных, по дороге к нужнику мраморному с лестницы каменной навернулся да башкой все ступеньки пересчитал?.. Или просто из окна рыбкой сиганул на мостовую, решив спросонья, что это – прудик?..

– Отпираться бесполезно, Рат! – Свят не сводил колючего взгляда с хмурой физиономии рыжего приятеля. – Свидетели есть! Точнее, свидетельницы... Вас видели две прислужницы Лютеги, как вы миловались!.. Брадигост, собака, тоже наверняка лицезрел сие пакостное зрелище, но этот змей молчит, клещами правду не вытянешь!..

– Постой, постой... Мы миловались?! – мрачное лицо Ратибора просветлело. – Ты про тот случай, что ль, когда Лютега меня в щёчку по-дружески чмокнула перед нашей отправкой в Проклятую долину?! – могучий великан вдруг раскатисто расхохотался на весь зал. – Ну ты даёшь! Да там невинный чмок в бороду был, я тебе как есть говорю! И врать я не буду, ты меня знаешь! Ну а ежели веры нет у тебя ко мне более, так и у меня свидетели найдутся! Со мной Емеля и Мирка топтались рядышком в тот миг злополучный, у них поинтересуйся! Я не знаю, Свят, что тебе там наплели служки княгини, но это ложь да навет поганый, уверяю тебя!

– Дядя, я подтверждаю слова Ратика, – Емельян наконец подал голос, столкнувшись с вопросительным взглядом Святослава. – Один безобидный чмок в рыжую щёку, не более!

– Так ты чего, друже, – Ратибора осенило, – из-за этого, что ль, осерчал да избил жену?! Да-а-а!.. Ну и ревнивый же ты дуралей у нас, оказывается! Нет у меня с ней ничего, не было и никогда не будет!

– Это точно? – князь пожевал губами, врезавшись пытливым взором в голубые зеницы бывалого товарища.

– Иди ты в пень, а?! – буркнул досадливо Ратибор и прямо посмотрел в очи Святослава: – Слово тебе даю! Этого достаточно?

– Более чем, – государь, чуть замешкавшись, согласно кивнул, прикрыв глаза и задумавшись о чём-то своём. – Любопытно, а кто же ента тогда так надоумил служанок мне ложь в уши вёдрами вливать? Похоже, их не помешает выпороть да поспрошать хорошенько... Чуть не рассорили нас! Ладно, выясним... Что с плечом у тебя? – резко сменил тему разговора Святослав.

– А, да царапки мелкие, всё никак не заживают да зудят, периодически... – Ратибор в очередной раз расчесал неприятно ноющие следы от ногтей, оставленные на память тёмным ведуном.

– Добролюбу покажись, – Яромир неопределённо хмыкнул. – Лишним не будет.

– Поучи лучше Злату щи варить...

– Зачем же сразу по больному? – Яромир негодуяще скривился. – Она ведь и взаправду не умеет...

– Да ладно?! – Ратибор удивлённо вытаращился на русого приятеля.

– Угу... Ей повара всю жизнь готовили... Избалована княжна... Вон, как Емельян...

– Чего сразу Емельян-то, я не понял?! – племянник князя мигом нахохлился. – Если у тебя, Яромир, жена готовить не умеет, то Емельян, то есть я, уж явно тут ни при чём! Да и

зачем Злате всё это надобно: стряпня там, рукоделие и прочая дребедень, когда можно лишь пальцами щёлкнуть, и усё будет!..

– Закинуть бы тебя, Емельчук, куда-нибудь в горы аль леса глухие на пару с сестрицей, одних, да оставить там на несколько деньков! Посмотрел бы я, как вы там пальцами до крови щелка́ли бы, шелкопёры, безрезультатно требуя к завтраку кубок с вином белым да нежный ломтик вырезки благородной лани... Подайте мне то, поднесите это!.. Задницы, надеюсь, сами себе подтираете или тоже по щелчку аль колокольчику решаете данную проблему? Тьфу, баловни судьбинушки, розги берёзовые по вам плачут!.. – Ратибор отвернулся от насупившегося княжьего племяша, продолжавшего что-то там невнятно бурчать про то, что он Емельян, а не Емельчук, и бросил взгляд на малость приунывшего воеводу: – Если хочешь, Яр, я Марфу попрошу, она Златку всему обучит, было бы желание впитывать знания у неё самой!

– Признателен, братка, было бы неплохо!.. Я поговорю с жинкой... Но ужель после того, как разродится! Там осталось-то всего ничего...

– Заранее не поздравляют, – Ратибор со всего маху треснул Яромира по плечу, отчего того знатно потряхнуло, – но очень рад за тебя, старый ты мерин!..

– Благодарю, дружище, – добродушно осклабился воевода, машинально потирая место, куда прилетела могучая плюха рыжебородого товарища. – Только не пришиби раньше

срока, я ещё в этой жизни детишек своих понянчить планировал...

– Так! – Святослав улыбнулся себе в бороду. – Коль начали щи, роды да розги на совещании обсуждать, то чую я, что основные моменты разобрали по полочкам!..

– Дядя, мне с ними ехать? – без особого энтузиазма спросил Емельян. – У меня тут дел поднакопилось... Свадьба с Жилькой намечается! Да и на новой должности ещё покумекать надобно, что к чему и как вообще, с какого бока!.. Разгрести завалы да мальчика въехать, с какой стороны надобно браться за новую работёнку, с переда аль с зада...

– Кстати, – Ратибор взглянул на князя, – почему нам не сказал, что поставил Емельяшку главой Тайной Канцелярии?

– Я собирался, да замаялся чего-то...

– А хвост нам зачем присобачил? Ну, ещё перед поездкой в Бобруйку? По твоему же указу Емельчук это сделал?

– Хвост, Рат, я приставил всем, а не только вам! Всем без исключения, кто в терем вхож хоть бочком, чтоб не было пересудов, будто у меня есть любимчики! Ну а сделал я ента после того крайне неприятного происшествия с Добраном, которое изрядно пошатнуло моё душевное спокойствие, ибо верил я ему безоглядно, если что! Чай, не первый год служил верой и правдой писарь при дворе... – князь нервно хлопнул по столу и решительно встал. – Всё! Совет закончен! Задания у всех есть? У всех! Приступайте к исполне-

нию. Свободны!

Яромир, Ратибор и Емельян только кивнули, да не спеша вышли из зала. При этом от них не укрылось, что Тихомир, сидевший всё это время тише воды, ниже травы, вставать и не думал.

– Похоже, любимчики у князя всё-таки есть... – задумчиво пробормотал Ратибор на выходе, после чего слегка ткнул указательным пальцем племянника Святослава в бок, привлекая к себе его внимание, и тихо произнёс: – На всякий случай, Емеля, пошурши с помощью своих новых возможностей, что там у нас с делом Демидия? Как продвигается поиск убийцы? Мож, подробности какие занятные открылись аль видел кто чего?.. Как из Дубкино воротимся, поведаешь...

– Хор-рошо, – кое-как прохрипел согнувшийся в три погибели от невинного (по мнению молодого богатыря) тычка пальцем Емельян, – сделаем... Только прошу, Ратиборушка, не дотрагивайся до меня больше ничем, даже ветра не пускай в мою сторону! А то чую я, эдак ежели будет продолжаться подобное, скоро новый глава у ищеек мирградских нарисуеться, ибо я банально ноги протяну от твоих дружеских поползновений!.. На пару с Яромиром и Миркой...

– Что думаешь по поводу всей этой хреновины, а, главный

советник? — князь дождался, когда племянник вместе с рыжебородым «вулканом» и воеводой покинут трапезную, взял полный кувшинчик с вином да жадно отхлебнул прямо из горлышка несколько больших глотков, не обращая никакого внимания на проливающийся ему на бороду и грудь напиток богов.

— Кумекаю, владыка, рано или поздно столкнётесь вы лбами так звонко с этим шатуном неуправляемым, что чубы затрещат на всю округу...

— Типун тебе на язык, Тихоня! Типун тебе на язык...

— Зря ты позволяешь ему так гутарить с собой, князь! Тем более на людях! Он же совсем распустился, не соображает уже, где находится и с кем разговаривает!..

— Молчи, Тихомир! Без тебя тошно...

Глава 2. Дом Демидия

Тем же вечером...

– Продал бы ты мне лавочку своего отца, Володий! Всё равно ведь ничего не смыслишь в торговле! В долги непомерные влезешь только, разоришься, без медяка на кармане останешься! А у тебя ведь младшие брат с сестрёнкой, матушка престарелая да жена-молодуха, что младенца розовенького давеча тебе подарила! Подумай о них! Как тяжело вам будет, коль вскоре сквозь дыру в мошне небесные светила разглядеть сможешь? Да, сейчас всё неплохо, на плаву, так сказать, но ты – не твой батя, Володий, при всём уважении, и так выстроить дело ровно, как он, не сможешь... Для этого жилка нужна торгашная, а есть ли она у тебя? Сильно сомневаюсь... Ну а деньги я неплохие предлагаю за твою бакалею со всем скарбом! Никто не даст более, уверяю!..

Говоривший, хорошо одетый полноватый мужичок средних лет с густой тёмной бородищей по пояс, но совершенно неказистой лысиной, достал шёлковый платочек откуда-то из шёлковых же штанов, заправленных в высокие червлёные сапоги, да не спеша промокнул свою вспотевшую проплешину, опосля убрав тряпицу в нагрудный кармашек ярко-оранжевой крикливой рубахи заморского кроя, похоже, приобретённой где-то в Западных землях. Несколько массивных дорогих, но безвкусных золотых браслетов, украшавших его

мясистую кисть, при этом тоскливо звякнули друг о друга. Толстые пальцы вещавшего оказались унижены драгоценными кольцами самой разнообразной формы да размера, и представлялось совершенно очевидным, что также явно не дешёвая поделка какая красовалась на перстах чванливого богатея, несомненно привыкшего к вычурной роскоши.

Пот градом тёк по его плутоватой лоснящейся физиономии, когда он в очередной раз встал и чуть нервно прошёлся по гостиной комнате, не забывая при этом с лёгким удивлением да раздражением поглядывать на сидящего за столом собеседника, молодого, худощавого парнишку на вид лет восемнадцати, не больше, что с обычно не свойственным юнцам ледяным спокойствием безмятежно потягивал домашний отвар из шиповника. Ни тени волнения не отражалось на правильном, едва-едва подёрнутом светлым пушком, безусом ещё лице. Одет он был добротно, но просто, без изысков, в лёгкие полотняные рубаху да шаровары. На ногах красовались обычные, неказистые башмаки из дублёной коровьей кожи.

— Я как раз и думаю о своих близких, многоуважаемый Козлокий, оттого лавку отца продавать не намерен! Я достойный сын его, потому и справлюсь, верю! Тем более батя меня уже давно подтягивал к своему делу! Да, может, не всех нюансов щекотливых я ещё нюхал, но уж основы-то мне отлично знакомы! Да и хотя бы в память о нём я обязан сдюжить! Знаю, он бы хотел, чтобы у меня получилось, и про-

дажу дела всей своей жизни ни в коем разе не одобрил бы, в том числе и тебе, дорогой гость, хоть ты и числился в его хороших знакомых. А уж за те гроши, что ты предлагаешь, и подавно!..

– Сколько же ты хочешь за свою лавчонку?! – Козлокий, явно не ожидавший столкнуться с таким упрямством, начал всё больше распаляться. – Да она не стоит и половины от тех деньжищ, что я даю тебе! Это же я так, несмышлёныш безусый, по доброте душевной, в память о папке ушлом помочь хочу твоей родне, а ты и не ценишь, отрок неразумный!..

– Благодарю за заботу, почтенный купец, но мой ответ «нет» на твоё предложение! – голос Володия был спокоен и твёрд.

– Да у тебя же даже пары золотых в заглашнике сейчас не имеется, я точно знаю! Как ты собираешься хотя бы просто не потопнуть в ближайшие полгода?! – пухлый торговец всё не унимался. – В долги влезать придётся, как пить дать! А ежели в это времечко непростое какое светило небесное ночью беспокойной твою бакалейку накроет, а? Сгорит ведь дотла лавочка! Покумекай получше! У нас тут всякое бывает!..

– В таком случае, досточтимый, следующей же ночью похожее чудо с небес залетит и в одну из твоих лавок. А возможно, и не в одну! – взгляд Володия сделался холоден. – Может, и во все скопом! Такая меткость небесная, конеч-

но, избирательна и очень странна, но почему-то мне кажется, что именно в этот раз, опосля моего сгоревшего хозяйства, добро запылывает и твоё!

– Чего?! – взбешённый Козлокий подлетел к столу и, не обращая внимания на поставленную хозяином специально для него кружку с ароматным отваром, к которому так и не притронулся, уверенно шлёпнул кулаки на столешницу и грозно вперился взором в ледяные очи молодого лавочника, при этом злобно гундося: – Я не понял, ты, щенок сопливый, мне что, угрожать вздумал?! Да я тебя размажу по мостовой, и следа не останется!..

Стоящий у входа в гостиную крепкий муж с мечом на поясе, по виду опытный воин, слегка напрягся при этих словах, сгоняя прочь сонное выражение с необременённой интеллектом физиономии. Телохранитель обвешенного золотом купца чуть подвинулся поближе к месту действия, внимательно наблюдая за реакцией сына Демидия, также начинающего закипать в ответ на сыплющиеся на его голову ругательства.

– Я не потерплю конкуренции от какого-то птенца несчастного, у которого даже борода ещё не растёт! – Козлокий взял стоящую перед ним чарку с отваром и смачно плюнул в неё, опосля поставив назад. – Вот что я кумекаю о тебе и твоей лавке, глупец безусый! Ты ещё пожалеешь, что попёр против меня! Не таких обламывали!..

В этот момент Володий вскочил и наотмашь сильно уда-

рил тыльной стороной ладони «друга семьи» по лицу. Тот от такой плюхи отшатнулся и, споткнувшись о стоящую позади скамью, грузно шлёпнулся на пол.

– Что ты стоишь, как истукан деревянный, Боливест?! – грязно ругаясь, купец принялся быстро подниматься, потрясённо трогая себя за физиономию. – Оторви ему башку! Не видишь, что ль, этот мерзавец покушался на мою жизнь!.. – взгляд Козлокия упал куда-то за спину своему охраннику, и барышник тут же испуганно осёкся.

– Надеюсь, помешал? – раздался гулкий рокот от двери. Боливест резко обернулся, положив длань на рукоять палаша. Прислонившись плечом к дверному косяку, в проходе, скрестив на груди могучие руки да слегка пригнув голову, небрежно стоял высоченный, мощного сложения рыжий витязь. Синие очи его с прохладцей взирали на разинувших от удивления рты Козлокия с Боливестом. – Так-то, покушения на твою маковку я не наблюдал, толстопузый!

– Ратибор?!.. – затравленно прошипел упитанный торговец. – Что ты тут забыл?! Вы разве знакомы с этим мальцом?! – мясистый лавочник перевёл ошарашенный взор на так же поражённо взирающего на богатыря Володия.

– Конечно, знакомы! – рыжебородый гигант недобро ослабил. – Хранитель я данного семейного очага, можно сказать! Не меньше! А вот тебя, пухляшок, что-то не припоминаю! Посему вопросец у меня назрел. И даже не один. Откель знаешь меня? И чего ты тут, поганец, творишь, а?!

Грозить удумал моему дружке? Так ента зря! Похоже, дерьмо ослиное, давно ты свою задницу изнутри не разглядывал? Ну, это можно мигом поправить!

— Кто ж тебя не знает, медведь рыжебокий... На выход, — буркнул тихо Козлокий своему телохранителю, после чего попытался прошмыгнуть мимо Ратибора, но тот массой своего тела просто перекрыл дверной проём так, что и мышь не проскользнёт мимо.

— Пусти! — Боливест вырос аккурат перед могучим великаном, с неприязненной усмешкой на него взирающим. — А не то... — ладонь меченосца нервозно теребила рукоятку клинка.

— А не то — что? — в бездонных голубых глазах рыжебородого исполина мелькнули яростные искорки.

— А не то... — договорить начавший неуверенно мямлить охранник не смог. Могучая длань Ратибора стремительно взлетела к его загривку да с силой приложила физиономию Боливеста о дверной косяк. Закатив к смоляным бровям ошалелые зыркули, телохранитель тихо охнул да тут же с грохотом шлёпнулся на пол. На лбу у него мгновенно начала наливаться здоровенная шишка.

— М-можно мне уйти?.. — тоскливо пробормотал Козлокий, с тревогой взирая на своего прикорнувшего воителя.

— Нельзя! — рыкнул в ответ Ратибор.

— А п-почему?.. — чуть ли не умоляюще просипел тучный купец, в очередной раз протирая себе ряху платочком рас-

писным.

— А потому, плешка ты запотелая, что в гости не след так хаживать! Отведай-ка ты для начала напитка того чудесного, что на столе пред тобой стоит, а опосля уж катись на все четыре стороны! — молодой богатырь без тени улыбки кивнул на чарку с отваром, куда за минутку до этого плюнул Козлюкий.

— Чего-то мне не хочется пить горячее... — попытался тот вяло отмахнуться. — Жара ведь...

— А придётся! — в голосе Ратибора прозвучал металл. — Хлебай давай, до дна причём! И лучше сделай это сам, а то ведь я и подсобить могу, ежели чего! Тогда ты у меня и посудинку сожрёшь в довесок!

Обречённо вздохнув, крикливо одетый торговец с тяжёлым вздохом подошёл опять к столу, взял кружку с травяным сбором в руку и, немного помедлив, принялся давясь пить испоганенный им самим напиток. При этом он старался не встречаться взглядом с до сих пор молчащим Володиём, который прикладывал просто невероятные усилия, дабы скрыть озорную улыбку, нет-нет, да и озарявшую его скуластое лицо.

— До дна, я сказал! — прорычал Ратибор остановившемуся было на секунду потному лавочнику, который с испуга тут же выдул чашку до последней капли, при этом знатно поперхнувшись.

— Молодец! А теперь сграбастал эту воинственную тушку,

что тут нагло разлеглась, озаряя радужной блямбой с лобешника паутинку на потолке, да сиганул шустро вон из хаты, аки суслик при виде опасности! – Ратибор слегка прихватил за ворот рубахи спешно метнувшегося к выходу купца и зловеще прошептал ему на ухо: – А ежели узнаю, что ещё хоть раз побеспокоил эту семью, отхлебнёшь уже из городского нужника, понял? Причём до тех пор дерьмо жрать будешь, пока не захлебнёшься, усёк?

– Усёк, и очень хорошо!.. Заверяю клятвенно, за версту обходить буду эту избу... – Козлокий взял своего дюжего телохранителя под мышки и попробовал потащить его тулово за собой, но тот застрял в проходе, зацепившись ножнами с мечом за дверной косяк, тем самым растрачивая усилия всего мокрого от страха да натуги торговца в пустоту.

– Да чтоб тебя конь горячий отлюбил страстно! – взорвался наконец Ратибор, с минуту угрюмо наблюдавший за тщетными потугами ставшего пурпурным от стараний купца. Вскоре насупившемуся богатырю это явно надоело. Легко подняв одной рукой Боливеста за пояс с оружием, матёрый витязь широкими шагами подошёл к входной двери и бесцеремонно выкинул наружу бесчувственное тело так до сих пор и не пришедшего в сознание бойца.

– Марш следом, пузотряс! – рявкнул грозно на Козлокия могучий великан. – И гляди не забудь ненароком, что ты там усёк сейчас, ежели не хочешь, конечно, разнообразить свои съестные предпочтения чьими-то фекальками!

– Я понял, усё понял... – похожий на только что выжатую половую тряпку незадачливый простофиля юркой белкой выскочил во двор, наглядно продемонстрировав: коль если нужда припечёт, двигаться может вполне себе резво.

– Ну всё, с этим, кажись, разобрались... – Ратибор захлопнул дверь и, обернувшись, встретился взором с вышедшей из дальней комнаты молодой, стройной русоволосой женщиной, одетой лишь в лёгкую ночнушку. На руках она нянчила маленькое дитяtko, что-то тихо и ласково ему напевая на ушко. Одновременно она бросала настороженные взгляды на стоящего в конце коридора здоровенного рыжего громилу, в конце концов опасливо спросив: – Кто вы?..

– Это друг, Милеса, – поспешно выскочивший из гостиной Володий не смог скрыть радостной улыбки при виде жены с ребёнком и, нежно прищёпывая сам себе под нос, спровадил любимую назад в опочивальню.

– Входная дверь, что ль, не заперта? – вместо приветствия спросил молодой торговец, тут же вернувшись в коридор.

– Нет, – Ратибор обернулся и закрыл её на засов. – Смотрю, приоткрыта. Дай, думаю, без стука загляну...

– Это я оплошал, не притворил за этим негодяем, когда он припёрся ко мне... – тяжело вздохнул сын Демидия. – Навалилось в последнее время всякого... Проходи в гостиную... – хозяин избушки проследовал в гостевую комнату за неожиданным посетителем, аккуратно прикрыв при этом дверь.

– И давно ты там стоял? – Володий присел на лавку, после чего кивнул рыжебородому витязю на место напротив.

– Да ровно с того момента, как этот барашек в кубок харкнул, – хмыкнул Ратибор, располагаясь на скамейке. Секиры при нём не имелось, но два топорика с ножом за поясом торчали. – Чего ему было надобно? Хотел по дешёвке бакалейку Демидия купить?

– Угу... – глаза Володия потемнели от ярости. – Прознал, скот, где-то, что с деньгами сейчас туговато у меня! Не хватает чутка, чтоб раскрутиться, семейное дело по новой запустить... Вот и прибежал сразу, надеясь, что на лопушка неопытного нарвётся! Ну и предложил за лавчонку нашу пару горстей серебра... Да дело батьки раз в десять дороже стоит!.. – запальчиво взвился молодой торговец под конец, но тут же быстро взял себя в руки. Посмотрев на сидящего прямо перед ним рослого воина, он еле слышно восхищённо присвистнул: – Я слыхал о тебе, рыжий медведь! Отец много рассказывал... Он восхищался тобой! Гордился, что знакомы... – паренёк осёкся на полуслове и прямо взглянул в глаза рыжеволосому гиганту: – Ты как-то причастен к тому, что с ним случилось?

– Скорее да, чем нет, – Ратибор не отвёл взгляд. – Разузнать я попросил Демидия кое-что... И похоже, что он разведал-таки... Знал бы я, что так рискует твой родич, в жизни бы не обратился... Тебе, я так понимаю, отец ничего про ента не рассказал?

– Не-а... – Володий отрицательно мотнул головой. – Да и знать ничего не хочу... Не втягивай меня!..

– И в мыслях не было! – Ратибор нахмурился. – Скажи мне только, не ведаешь ли ты, что он делал в том проулке и куда шёл? Уж не в теремок ли княжий?

– Именно туда, – согласно кивнул хозяин лачуги. – Залетел в тот день окаянный домой впопыхах, отобедал по-шустрому, переоделся в праздное да метнулся прочь из хибарки, на ходу заявив, что спешит к самому князю! Мол, известие срочное для него! Больше ничего не глаголил...

– М-дя... И конечно же, без охраны Демидий шлындаль, как обычно... Со мной на крайнюю встречу в «Завалинку» приволок бойца, когда можно было обойтись... А как взаправду понадобился телохранитель, так по закону подлости один оказался... – Ратибор заугрюмился ещё пуще. – Похоже, на пути к Святославу твоего батю и встретили... Следил кто-то за ним, не иначе...

Наступила неловкая тишина. Купец и воин размышляли каждый о своём. Володий осознал: перед ним сидит человек пусть ненароком, но повинный в смерти отца. Но отчего-то не испытывал к нему неприязни аль ненависти. Быть может, оттого, что прекрасно видел, как переживает из-за гибели Демидия его рыжий собеседник. Явно без злого умысла могучий великан попросил батю чего-то там вызнать!.. Ратибор же понимал: маленькая надежда на то, что удастся разведать в лачуге торговца, у его родных, чего тот

выяснил, растаяла, как призрачная дымка с восходом солнца.

– Может, отвара из шиповничка аль кваску? – наконец, несмело предложил Володий. – Слышал, ты любишь...

– Нет, благодарю, – отказался Ратибор. – Скажи мне лучше, сколько тебе там надобно на «раскрутиться»-то? Знаешь хоть, что делаешь?

– Знаю... Отец меня обучал... Связи его, правда, частично порушены, но всё восстановить можно... – Володий тяжело вздохнул. – Ну а денег треба обоз организовать до Змейграда. Товар-то есть, что доставить надобно. Да вот на телеги, тяжеловозов, возничих да мало-мальски охрану какую, припасы куцые и ночлег, пусть в самых дрянных постоялых дворах, плюс непредвиденные расходы какие... – молодой лавочник прикинул в уме. – В общем, на всё про всё около семи-восьми золотом требуется минимум... У бати усё в дело было вложено, а деньги на поездку в Змеиный град при себе хранил... Кошель с кругляшами у него и срезали с пояса перво-наперво, где... когда... ну, в общем, после того как умертвили его... – на паренька явно нахлынули неприятные воспоминания, заставив его голос задрожать. В глазах Володия появились слёзы, и он отвернулся в сторону, к окну, быстро их утерев и надеясь, что рыжеволосый гость не заметил его слабости. Ратибор и не заметил. Или сделал вид, что не заметил.

– Ну а несколько перстней его и цепку жёлтую я заложил

уже... И на похороны хватило, и сейчас покамест, перебиваюсь до сих пор теми грошами...

– Должен я твоему батьке стал... А значит, и тебе, – Ратибор поднялся, отвязал от пояса тугой кошель с золотыми монетами, вручёнными ему сегодня в тереме Святославом, и бросил на столешницу перед сыном Демидия. – Здесь два раза по десять, не считая мелочи. Вполне достаточно, чтоб не только к змеям смотаться. Если ещё понадобится чего, ну деньги там аль опять кто со злыми помыслами пожалует, маякни мне! Найти, полагаю, сможешь без проблем... – рыжеволосый витязь, не прощаясь, потопал к выходу.

– Ратибор, – окликнул его в дверях Володий, – благодарствую... Но ты же прекрасно знаешь, что такой долг можно вернуть лишь одним способом: найти того, кто его убил! И я хочу, чтобы он страдал перед смертью! – выпалил в горячке молодой купец.

– Я найду того душегуба, кто ента сделал, обещаю! – чуть помедлив, согласно кивнул на прощанье могучий ратник. – И ему будет очень больно перед тем, как он сдохнет... Не сомневайся!

Глава 3. Дубкино

На следующей седмице...

– П-прошу вас! П-прекратите!.. Я в-всё сказал как есть, б-без утайки! Это н-не моих лап дело, к-клянусь своими в-внуками! – Савросий, харкая зубами да кровяной мокротой, медленно, неуклюже полз по земле в сторону реки Сигливы, помогая себе лишь левой рукой, ибо на правой – целых, не сломанных пальцев у него не осталось. Богато расшитые наряды купца из заморского шёлка были все в грязи да свежих багряных потёках крови, хлеставшей из свёрнутого набок носа, а дорогуший, украшенный крупными драгоценными камнями золотой браслет валялся чуть позади, в нескольких шагах: попытка откупиться им от побоев лишь привела в ещё большее иступление его здоровенного мучителя. Обливаясь горячими слезами, полный торговец сам толком не мог понять, зачем пытается куда-то двигаться. Скорее, это происходило по инерции, да и теплилась всё же в его душе малюсенькая, совсем слабенькая надежда на то, что авось страшный палач отвлечётся на чего-нибудь, например, на посланное богами падающее небесное светило, да позабудет про свою жалкую жертву, ещё совсем недавно бывшую надменным, жёстким, самодовольным купцом из Варграда, занимавшим в своём княжестве одно из уютных, тёплых местечек в верхушке местной пищевой цепочки.

Вся охрана лавочника, как и сопровождающие его слуги, лежали рядом, мордами вниз, со скрещёнными ладонями на затылках, напротив местного кабака «Дубрава», откуда их всех недавно споро и выкинули за пояса да шкирки нагрывавшие столь нежданно-негаданно суровые столичные гости. Как такового боя не было и в помине: заявившаяся из Мирграда сотня мрачных витязей походя погасила в зародыше любое сопротивление купеческих обережников, набранных на этот раз, прямо скажем, не из самых доблестных ратников серого воинства, просто смяв их количеством.

Савросий, так до конца ещё и не оправившийся в финансовом плане от потери содержимого двух под завязку гружённых восточными товарами судёнышек, утраченного им во время недавнего противостояния Варграда с Мирградом, в этот раз решил сэкономить на бойцах, поступив, как, по крайней мере, казалось ему самому, вполне себе мудро: зачем нанимать втридорога качественных, матёрых воителей? Супротив реального врага они не спасут, как торговец уже убедился при прошлом своём визите в Дубкино, а чтобы отбиться от каких-нибудь тощих, вооружённых чем попало разбойников, достаточно и разношёрстной низкооплачиваемой бранной силы, которой можно отстёгивать столько, сколько хватает лишь на еду, выпивку да женщин наилегчайшего поведения из придорожных кабаков.

Не оттого ли три с половиной десятка нанятых ватажников, как вскоре выяснилось, за купца погибать не особо-то

и торопились, сопротивление оказав лишь номинальное значительно превосходящему их численно противнику. Потому подавляющее большинство из них было до сих пор живо, наряду с челядью лавочника разлѣгшись недалече на животах, вынужденно глотая при этом пыль дорожную. Варградцы сразу поняли, что у дружины Святослава нет цели вырезать их всех под корень; им нужен лишь хозяин, которого никто из его же собственной охраны не любил и не уважал за банальную скупость да сварливость. «Что ж, не повезло тебе, купчишка! Нас только за собой к Перуну в чертог не тяни, мы ещё здесь не нагулялись!» – примерно такие мысли кружились в голове у людей Савросия, без всякого сочувствия, а где-то даже и со скрытым злорадством слушавших раздающиеся на всю округу жалобные вопли спесивого торговца.

Месяц август вступил в свои законные права, забирая прочь невыносимый июльский зной и принося долгожданную прохладу на земли Мирградского княжества. Хотя бы по ночам. Пурпурное солнце не спеша закатывалось за дымчатый горизонт, а белогривые облака высоко в голубых небесах, гонимые стремительными порывами ветра, всё так же продолжали складываться в причудливые, узорчатые фигуры, когда в Дубкино нагрянули трое приятелей. А вместе с ними и сотня бравых молодцев, коих Святослав велел взять с собой Яромиру, Ратибору и Мирославу, чтобы при встрече гостей с Севера, кои вскоре ожидались тут же, представительство Мирграда выглядело более-менее солидно.

Прибыв за день до каравана Савросия, дружина витязей расположилась в окрестной дубовой рощице, дабы не смущать местных и не спугнуть ненароком «волчьих» торговцев, которые наверняка на берег бы сходить и не подумали, коль лицезрели бы со своих лоханей ватагу ратников, поджидавшую их на суше явно не для того, чтобы простоквашей с мёдом угостить. Правда, жители Дубкино прознали, конечно же, практически моментально о затаившемся недалече отряде воинов, но отнеслись к этому с пониманием, благо недоверия дружина Святослава ни у кого не вызывала. И даже наоборот, чувство глубокого почтения да уважения испытывали все те, кто не преминул сходить да поглазеть любопытными зенками на столичных витязей, непременно прихватив с собой различных вкусностей вроде крынки молока с караваем хлеба, кувшинчика-другого свежей ряженки со сладкими ватрушками аль корзинки только-только запечённых на углях зубастых щучек. Ну а некоторые, особо ретивые да сердобольные, и по доброму румяному, аппетитному поросю целиком приволочь умудрились. Лукошкам же с малиной, земляникой, морошкой, красной и чёрной смородиной да зеленыю разнообразной наподобие щавеля, лучка с петрушкой и укропом числа не было. Ну и куда уж без плетёнок с кабачками, помидорками да огурчиками. С пустыми руками ибо негоже к дружинникам самого владыки всех земель окрестных соваться: свои же потом засмеют да застыдят.

Князя любили и даже боготворили в Дубкино, так как при его правлении здешняя деревушка разрослась и расцвела особенно пышно, а население местное значительно увеличилось, при этом отнюдь, мягко говоря, не бедствуя, ведь перевалочный пункт для торговцев всех мастей, статус которого утвердил за посёлком Святослав, приносил стабильный и щедрый доход подавляющему большинству тамошних обитателей. Ну а поборами тяжкими правитель Мирграда никогда не гнобил подданных, так чего же жителям погоста не отблагодарить, кто чем может, дюжих витязей своего обожаемого властителя? Пожалуй, только трактирщик Ефласий, хозяин «Дубравы», поначалу казался несколько недовольным, боясь в первую очередь того, что родное заведение с землицей сравнивают, выковыривая оттудова купца с его холоуями. Но объёмный кошель с серебром, небрежно брошенный Яромиром с утраца, в день прибытия Савросия, на столешницу перед кабатчиком, мигом смахнул с лица Ефласия хмурое выражение, заставив того смущённо бормотать, помимо слов благодарности, что-то вроде: «Ай, да и пёс с ним! Всё равно собирался ещё один постоялый двор строить, попросторнее...»

Ратибор с Мирославом же, памятуя о прошлом своём визите в Дубкино, заглянули утром к старосте Волонию, приземистому старику примерно семидесяти лет от роду, уже начавшему с годами терять чувство реальности, и поинтересовались у того, нет ли каких письмишек странных из Мир-

града, адресованных купцу Савросию? Волоний, гордо выпятив седую грудь, высокомерно молвил, что послание имеет-ся, да только от самого князя Святослава оно, и велено пере-дать лично в загребки прибывающему торговцу, обязательно ещё до спуска на берег, то есть сразу как причалят. Ни на каких условиях вредный старец не соглашался отдать ве-сточку в руки двум приятелям, упрямо заявляя, что данная честь владыкой Мирграда оказана ему лично неспроста, а именно потому, что знает князь, кому можно доверить столь ответственное поручение. В конце концов, Ратибору, нико-гда не отличавшемуся ангельским терпением, надоело по-хо-рошему уговаривать упёртого Волония, больше походивше-го на непоседливого ребёнка, коими с годами волей-неволей становятся многие из седовласых мудрецов. Потому рыже-бородый богатырь так рявкнул на старика, что тот, тихо ох-нув, опосля резко замолчал, выудил одеревенелыми пальца-ми из-за пазухи ценное письмишко, нехотя передал воинам да быстро умчался к ночному горшку, благо в лачуге у старос-ты сей необходимый в любом хозяйстве атрибут находился всегда под рукой. Или под задницей.

«...Едут к вам, уважаемый, люди лютые, витязи мои слав-ные, с самим рыжим медведем, уже тебе хорошо знакомым по прошлому твоему визиту в эту деревушку. Желают по-рвать твои тела на лепестки, аки ромашку прекрасную. Чувство вины меня гложет за товар, что увели мои обормот-ты у тебя по весне, посему и предупреждаю! Так что вдевай

пятки в петлицы лыжные, то бишь в свои лапти заморские, да аки ужаленный под хвост гусак, припусти по-шустрому из Дубкино прочь, коли не желаешь, чтобы тебя неторопливо, в охотку по косточкам разобрали. Письмо после прочтения немедля сжечь. Или съесть на край, тщательно прожевав при этом. Под страхом колесования исполнить!..

С наилучшими пожеланиями,
Святослав, князь Мирграда».

– А почерк не Свята, что, в общем-то, логично... Когда князь последний раз сам за перо брался, и ента при ватаге писарей придворных?.. – Мирослав в очередной раз прочёл письмишко и покосился на Ратибора. – Но ведь и подпись не его!

– Угу, – согласно кивнул рыжебородый гигант. – Да и печать – не княжеская! Подделана, причём весьма плохенько... Какой из этого можно сделать вывод?

– Такой, что крыса наша никуда не делась, а продолжает пакостить нам, на этот раз в спешке князем прикинувшись! – Мирослав задумчиво крикнул. – Ну а почему без печати настоящей письмишко, так княже оную за семью замками, по-ди, запер после случая с Добраном, оттого и не дотянуться теперича негодяю до неё никак!..

– А ещё знаешь, что любопытно, Мир? – Ратибор недобро улыбнулся уголками губ. – Про этот наш походец знали только князь, я, Емеля, Яромир да Тихомир! Методом исключения тень у нас плавно падает на...

– Думаешь всё же на советника?

– А на кого же мне ещё кивать? Уверен, его почерк! За-морыш поганый, попался наконец-то!.. – молодой богатырь бережно сложил и убрал письмо в боковой карман в своих шароварах.

– Ну что, купец, сознаваться будем? – огромная тень накрыла дрожащего от боли и ужаса Савросия с головой, легко заслонив собой медленно сползающее за линию горизонта багровое солнце. Ратибор присел перед торговцем на корточки, схватил его за левую кисть и лениво достал из поясных ножен свой здоровенный тесак, лезвием не менее локтя длиной. – На правой мотыге я тебе все персты переломал уже, а на этой, пожалуй, я их по фалангам кочерыжить буду, дабы растянуть удовольствие...

– Если я сознаюсь, – пузатый лавочник заворожённо уставился на широкое булатное лезвие, мелькающее перед его лицом, – ты подаришь мне быструю смерть?..

– Говори, – рыжеволосый великан нахмурился, – а там видно будет!

– Это я...

– Что?

– Я заказал твою ряху... За триста золотых... – барышник еле слышно мямлил, при этом продолжая усиленно шмыгать

перебитым носом. Это было больно. Слова давались ему с невероятным трудом.

– Как спелись с Добраном?

– Э-э-э, с кем?.. – Савросий растерянно заморгал.

– Ты чего, дурковать опять удумал?! – лезвие ножа слегка поддело купца за левую ноздрю, всё ещё обильно кровоточившую, задрав тем самым физиономию торговца чуть ли не к небесам и заставив того истошно заорать: —А-а-а, смиловись, господин, но я понятия не имею, кто такой этот твой Добран! – от боли и обиды слёзы в очередной раз горным ручьём хлынули из опухших глаз несчастного горемыки.

– Это твой сообщник в Мирграде, – чуть помедлив, нож прыгнул обратно в ножны на поясе «рыжего медведя». – Княжий повар, с помощью которого ты в своё время Свята травануть хотел. Вспомнил, рыба харя?!

– Д-да, д-да, конечно... – тоскливо затараторил Савросий. – Познакомились с ним, это... через общих приятелей в Торговой гильдии Мирграда!.. Хотели сгубить сначала князя, потом тебя... Убей меня, а? – заплывшие очи умоляюще уставились на Ратибора.

– Куда Добран-то убёг? Поди, в Варграде его спрятал? – рыжебородый воин с каждым вопросом мрачнел всё больше и больше.

– Да, у нас есть места, где схорониться можно... – обречённо кивнул плешивой луковкой купец.

– Семей-то его с собой он, что ль, забрал? Никак найти

их не можем...

– Ну да, ну да...

– Шестеро детишек у него было, как умудрились всех переправить незаметно? В zenки смотри мне! – зло рыкнул Ратибор в опять искажившуюся от ужаса физиономию забитого лавочника.

– Да ента дело нехитрое! – залепетал тот испуганно. – Сначала в повозку крытую загрузили! Дали на лапу стражам на воротах, чтобы не усердствовали особенно при обыске, а потом по Сигливе до Варграда на ладьях и доставили...

– Демидия за что закололи?

– Кого?.. – Савросий удивлённо захлопал зыркулями. – А, ещё один мой приспешник, да? Так это, за дело убили, знамо ведь!.. Хотел нас всех выдать Святославу за вознаграждение...

– Довольно! – Ратибор поднялся и грозно проревел на всю округу. – Лекаря сюда! Живо!

– Дружище, можно тебе кое-чего шепнуть в ракушку? – Мирослав, только что в похожей манере беседовавший с одним из слуг Савросия, подошёл к чуть наклонившемуся рыжеволосому товарищу и прошелестел ему на ухо: – Разговорил сейчас одного из холуёв плешивого, так тот клянётся и божится, что нет у купца трёх сотен золотом, дабы оплатить заказ на твою маковку! Мол, после того, как обчистили мы две лоханки Савросия, доверху товарами дорогушими забитые, дела его сильно под откос пошли!.. Залез опосля в дол-

ги наш торгаш по самое не балуйся, чтоб по счетам расплатиться, и лишних деньжищ не имеет за пазухой ни гроша, а тем более таких огромных! И я уверен, дружка, прислужник не набрехал...

– Зато мне наврал сейчас Савросий! – буркнул сумрачно Ратибор. – Отравление князя на себя взял... И Добран у него повар, а не писарь, и познакомился он с ним каким-то чудным образом через Торговую гильдию... А детей у кашевара... Тьфу, писарчука, не двое, а аж шестеро, представляешь?! Все живы-здоровы, между прочим, а не зарезаны хладнокровно! Ютятся в Варграде, в потаённом месте каком-то, во как, разумел? Это тебе не мухры-хухры, или как там звучит... Ну и Демидия в сообщники приплёл, легко убийство его на себя повесил, при этом явно впервые вообще слыша это имечко! Впрочем, как и имя писаки! М-дя-я-я, похоже, перегнул я палку... Намолол толстосум плешивенький чепухи, со всем согласен, лишь бы не пинали более... В общем, смотрю я в глазищи его зарёванные и понимаю, что...

– Это не он повторный заказ на твою ряху оформил.

– Да, Мир, это не он.

– Вы уверены? – подошедший Яромир слышал последние слова своих приятелей.

– Абсолютно! – Ратибор поднял голову и увидел спешащего к нему местного знахаря Хотомира с берестяным коробом за спиной. Выудив из кошелька полновесный золотой, дюжий ратник метнул его подбежавшему запыхавшемуся цели-

телю, угрюмо при этом произнеся: – Поставь пузана на ноги и излечи от лёгких поломок в тулове да башке. Вроде ничего серьёзно я ему не повредил и, слава Перуну, не отрезал, хоть и собирался... В общем, жить будет. Ну и гадить по ночам, вспоминая меня в страшных снах...

– Ты уж не сердчай на меня особливо, купец! – Ратибор опять опустился на корточки перед ничего не понимающим торговцем, уже распрощавшимся с жизнью и молившим богов лишь о том, чтоб подарили ему быструю смерть. – Обознатушки, похоже, случились! Наклепали на тебя почём зря, а я и поверил! – синие очи рыжего исполина гневно сверкнули, когда он поднялся и сурово зыркнул в сторону Мирграда. – И кое-кому придётся объясниться!.. Иначе я ему его же трон забью туда, где соловьи не поют да сверчки не стрекочут!

Глава 4. На берегу Сигливы

Спустя два дня

– Это не почерк Тихомира, – Яромир пробежался глазами по письму ещё раз и вернул его удивлённо на него уставившемуся Ратибору. – Сомнений нет. Я неоднократно видел в тереме князем его каракули на разных грамотах. Данную весточку наваял не главный советник.

– Вот дерьмо... – Ратибор озадаченно покачал головой. – Но кто же тогда?.. Ведь знали только мы о поездке этой...

– Ну да, ну да, – Яромир неопределённо хмыкнул. – Только мы... ну и ещё сотня витязей...

– Не понял?..

– Я сказал братишкам по булату о том, куда выдвигаемся, за день до отбытия... – извиняющимся тоном пробурчал воевода. – Уж больно они извелись в неведении! Куда, мол, собираемся! Да и речи у нас не шло, что эта поездочка секретная какая... Тайны ведь не делали, или я ошибаюсь?..

– Да чтоб тебе клоп здоровенный под исподники заполз! – взорвался гневливо Ратибор. – А я тут уже Тихомирку собрался собакам бродячим живьём скормить...

– Не ошибаешься, Яр, – вздохнул задумчиво сидящий между друзьями на пологом берегу Сигливы Мирослав. – Тайны не делали...

Двое суток прошло с тех пор, как приятели «мило пооб-

щались» с Савросием и его свитой, отпустив их в конце концов на все четыре стороны. Купец, всё ещё не веря тому, что остался в живых, на негнущихся ногах медленно взошёл на одну из ладей, после чего, перед самым отплытием, убедившись, что его уже не достать, грозно помахал левым кулаком в сторону мирградских витязей. Правая длань у него была вся перемотана Хотомиром. Визгливо проорав напоследок: «Я это так не оставлю! Я буду жаловаться!», торговец тут же спешно отчалил на Восток со своим караваном, решив продолжить путешествие за товарами заморскими да прибылью знатной, несмотря на столь неудачное начало самого похода. По долгам требовалось рассчитаться как можно скорее, если не хотелось угодить в кабалу.

– Надо было ему ещё и на второй руке все персты переломать, – буркнул на такое прощание Ратибор. – Поглядел бы я, как он в таком случае пониже спины себе почёсывать умудрялся... Не иначе, с помощью слуг! Хотя, конечно, с другой стороны, нехорошо с купчишкой вышло... Чуть было невинного в чертоги небесные не закинул!.. Ладно, обошлось, и слава богам!.. А кости срастутся, чай, не хребет согнули пополам, аки соломку...

– Ставлю на кон горсть серебром, – со смехом молвил Яромир, – что на обратном пути этот боров Дубкино обойдёт за версту, даже если у него все припасы разом иссякнут!..

– Полагаю, что не только в обратку, а вообще в своей жизни Савросий вряд ли сюда ещё заглянет!.. – Мирослав колко

ухмыльнулся в ответ. – И так два раза пронесло чудом, живым ушлёпал, сам не ведая, каким образом! В третий раз так может и не повезти...

– Его два раза к тому же и пронесло? – рыжебородый великан откинулся на траве, праздно разглядывая всё ещё видневшиеся на небе звёзды, впрочем, стремительно таявшие на глазах, как попавшие на тёплую ладонь снежинки. – Надо было деньжат с купчика стясти за такое дело, ибо лекари дерут за эту услугу с три шкуры... Будет должен торгаш!

– Рат, ты когда рожи корчить страшные начинаешь да рычать жутко, меня самого не слабит только потому, что ты в тот миг обычно ряхой своей свирепой не ко мне повёрнут... – Яромир улыбнулся уголками губ, после чего вынес на обсуждение следующее предложение: – Может, тебе подрабатывать начать у Добролюба по данной проблеме? Послабляющие грибочки нынче в цене немалой, так что старый знахарь наверняка примет тебя с распростёртыми объятиями! Как зайдёт страждущий соплежуй, ты, значится, своим могучим рёвом обдаёшь его мгновенно поседевшие космы да сигаешь к нему сразу с корытом... Главное ведь что тут? Главное, успеть добежать...

– Я согласен пойти в подмастерья к Добролюбу, Яр, – Ратибор ехидно усмехнулся, – но с одним условием: с корытцем сигать к горемыкам нерадивым ты сам будешь!

– Предлагаю назначить ответственным за столь важное действо Мирку, он половчее скачет...

– Я тебе, Яр, эту лохань опосля, вместе с содержимым, заместо малахая на чердак натяну!

– Понял тебя, тогда предлагаю подключить княжьего племяшку к сему серьёзнейшему заданию...

– Поддерживаю, – Ратибор с ленцой зевнул, впрочем, тут же оживившись: – Корыто и Емельян, это два звена одной цепи, неразрывно между собой связанных!.. Они как будто созданы друг для друга!

– Я только за, – согласно шмыгнул носом Мирослав.

– Тогда решено, ибо единогласно! – Яромир едко хрюкнул. – С лоханкой бегают Емельян!..

Рассветные лучики восходящего солнышка только-только прорезали косыми линиями бескрайний горизонт да озабрили всё ещё темнеющий небосвод, плавно выкатываясь из ночной спячки и разгоняя прочь непроглядную темень, когда старые приятели, проснувшись с первыми петухами, подошли к шумной речке и расположились на пологом берегу, недалеко от длинного бревенчатого причала, в ожидании обещавших объявиться в Дубкино с пробуждением светила северян. По крайней мере, так уверил Яромира Святослав, прислав давеча, как и обещал, в письме с голубкой точный день, когда следовало ожидать дорогих гостей.

Вязкий туман всюду клубился густыми хлопьями по широкой, полноводной, не утихающей ни на мгновение Сигливе, сизой дымкой распластавшись над беспокойной поверхностью реки и совершенно не желая отступать с водной гла-

ди ни на пядь. Закадычные друзья вида не показывали, но в душе ликовали, как малые дети, что наконец представилась возможность им снова, старым составом выбраться хоть куда-нибудь, ведь уже ох как давненько не доводилось богатырям на троих делить невзгоды, тяготы и лишения, а также искреннюю радость, сопереживания да вожаделенную свободу тяжёлой, но вместе с тем столь милой сердцу каждого настоящего воина походной жизни.

– Я так и не понял, – после непродолжительной паузы Мирослав резко сменил тему разговора, покосившись в первую очередь на Ратибора, – Свят, что, избил Лютегу, решив, будто у тебя с ней шуры-муры? Это ему так служанки еёшные напели?

– Я сам не до конца уразумел, но похоже на то... Какой ревнивец, оказывается! Хотя ранее вроде не страдал этой глупостью... – Ратибор нахмурился. – Что-то здесь не так, нутром чую, но вот что именно... Почему с меня тогда сразу не спросил?

– Ну почему же не спросил? – Яромир удивлённо крикнул. – Не сразу, конечно, но как с Бобруйки ты воротился, так и справился при первом же удобном случае. Или ты чего хотел, чтоб он тебя тут же меж двух согнутых берёз привязал?

– Пожалел князь деревья. Ибо с нашего рыжего медведя по-жёсткому спрашивать, это же сколько здоровья иметь надобно... В том числе и берёзкам... – Мирослав почесал за-

думчиво темечко и снова бросил внимательный взгляд на смурного приятеля: – Рат, а тебя Лютик раньше так привечала когда-нибудь?

– Не-а, что-то не отложилось в головушке...

– А не странно ли ента, а? Я там был, и ведь действительно, слегка походили ваши дружеские целовашки на что-то такое, нехорошее... Неудивительно, что прислужницам почудилось не боги весть чего! Ежели не запамятовал, нам с Емелей тоже сперва показалось...

– Как ты помнишь, Мирка, мы с Лютиком крепко до этого полаялись тогда, в княжьих хоробах, когда Благана гостила в лечебнице Добролюба, сильно помятая после «милого свидания» с Мельванесом. Не в себе ещё была княгиня из-за недавней страшной хвори мужа любимого, ну а когда всё обошлось и вернулось на круги своя, очухалась да образумилась, поняв, что спорола горячку ненужную... Ну и решила примириться, слабо при этом покумекав своей белокурой маковкой, как это будет выглядеть со стороны! Так что ничего особо странного именно в этой ситуации я не вижу! Удивительна мне только реакция Святослава на эту детскую выходку. Кто-то льёт ему в уши ушаты, до краёв желчью наполненные... И я даже догадываюсь кто! – Ратибор недобро сплюнул.

– На Тихомирку киваешь? – Яромир понимающе кивнул. – Да, бывает, они шепчутся меж собой о чём-то... А вот о чём, не ведаю, ибо при мне не балакают... Либо так тихо

лопочут, чтобы я не слышал...

– Ладно, пёс с ними! – рыжеволосый исполин скорчил забавную рожицу. – Пока вроде особенно не нахлынуло дерьмеца от их пошептушек, пушай хоть соловушкой в голосину поют! Сморгаться я на них обоих хотел со столетнего дуба... Напомни-ка лучше, Яр, что за варягов мы сейчас ожидаем? Сколько их, чего надобно?

– Ярл Олаф, по прозвищу Чернобровый, решил почтить нас своим визитом. Письмишко Святу притарабанил голубком, в котором настойчиво просит о встрече с владыкой Мирграда. Чего-то там предложить хочет интересное... Грозится озолотить князя невероятно, коли тот позволит ему припелёхать да слово молвить... – Яромир потянулся, хрустнув костяшками, потом встал и прошёлся взад-вперёд, активно разминаясь при этом. – А сколько данов заплыв к нашим берегам устроят, точно неизвестно, но не более чем на два драккара Свят дал согласие, так что примерно подсчитать не сложно. Сам ярл да его ватага из близких, не больше сотни или около того в общем их будет.

– Любопытно, чего удумали эти лиходеи паршивые?.. – Ратибор в который раз рассеянно почесал левое плечо. Зуд от царапин, оставленных ногтями Мельванеса, медленно, но верно усиливался. – Нет у меня веры этим поганцам северным ни на вершок...

– Чего, всё так же ноет? Добролюбу не показывал? – Мирослав с лёгким беспокойством окинул взглядом старого

друга. – Давно должна была уже рана затянуться... Мажешь чем?

– Да начал, но похоже, не помогает... – Ратибор досадливо поморщился.

– Ну-ка, дай позыркать! – Яромир подошёл, бесцеремонно задрал рукав рубахи рыжебородого витязя и тут же встревоженно охнул: – Ого, что за хрень?! – незаживающие царапины от ногтей тёмного волхва, казалось, начали чернеть, разбухли ещё больше и даже раздались в длину. – Скверна какая-то, друже! Знахарю по-любому нужно показать!..

– Воротимся в Мирград, загляну к Добролюбу, – проворчал раздражённо Ратибор, раскатывая рукав назад и прикрывая необычное ранение. – А пока отвалите! Не трезвоньте на уши мои нежные, пока я жидко не чихнул вам в хари...

– Тихо! – Мирослав резко вскочил на ноги. – Слышите?

Друзья наострили уши. В наступившей тишине стал едва различим с трудом уловимый характерный всплеск. Только дружно опускающиеся на водную гладь вёсла издавали подобный. Но в густом тумане, как бархатной периной укутавшем Сигливу, пока что разобрать чего-либо не представлялось возможным.

– Прибыли наши незванцы! – уверенно прошелестел Яромир, после чего сунул два пальца в рот и пронзительно свистнул, в первую очередь оповещая своих витязей, что ожидание закончилось; викинги уже недалече.

– Может, притопить их посудыны прям тут, да и самих

синерожих следом на дно, рыб кормить? – буркнул Ратибор поднимаясь. – А князю скажем, что они в нас снежок навозный швырнули... Ну мы и не стерпели!

– Обожди покамест, Рат, – поморщился Яромир, оглядываясь назад. Дружинники Мирграда шустро строились «пятячком», готовясь встречать северных чужеземцев. – Заставить их булькать, аки карасики, всегда успеем! Пушай уж молвят, чего надобно! Интересно ведь, зачем пожаловали!

В этот миг со стороны реки раздался долгожданный рог, извещающий о том, что гости на подходе. Вскоре показались и очертания ладей; два корабля-дракона с убранными парусами не спеша вынырнули из туманной завесы и медленно, величаво погребли к причалу. Борта их были увешаны круглыми разноцветными щитами. Трое приятелей уже ожидали норманнов на пристани, с любопытством разглядывая приближающиеся суда: одно чуть побольше, на тридцать пар вёсел, второе же оказалось на десяток гребцов поменьше.

– Сто десять рыл или около того, – быстро подсчитал Мирослав.

– Угу, а вы ничего странного не замечаете? – Ратибор внимательно рассматривал прибывающие драккары. – Обратите внимание на передок!

– Они не сняли головы драконов с носопаток, хотя должны были это сделать обязательно, коли пришли с миром! – Яромир нахмурился. – Не к добру...

– Вот именно! – Ратибор довольно осклабился, облоко-

тившись при этом на набалдашник своей старушки секиры. – Не к добру, но к доброй сваре!

– Эй, там, на пристани, – раздался в это же мгновение зычный голос с того из драккаров, что был поболее, – ловите шварт да вяжите покрепче к тумбе причальной, раззявы! И смотрите мне, коль с первого раза не поймаете! Ноги в задницы засуну всем троим!

С ладьи полетел швартовый канат, глухо шлёпнувшийся о деревянный причал, после чего непослушный строп извилистой змейкой задорно побежал, наращивая скорость, к краю пирса, в конце концов с громким всплеском плюхнувшись в речку. Трое товарищей стояли молча, не шелохнувшись. Схватить трос никто из них даже не пытался.

– Да чтоб вас на куски разорвало, бараны! Сейчас вырезки нарубаю с этих увальней! – швартов споро втащили назад, на борт. Говоривший, продолжавший изрыгать отборные проклятия на головы «тугодумных» русичей, дождался, когда драккар подошёл практически вплотную к пирсу, и спрыгнул с корабля на пристань, ловко накинув канат немудрёной петлёй на массивную дубовую тумбу.

– Ну вы чего, тупорылые, спите на ходу?! – взорвался по новой вспыльчивый викинг, закатывая рукава и направляясь к приятелям. – Может, вас разбудить быстренько, стукнув каждому веслом по мордасам?!

Раздухарившийся варяг выглядел лет на тридцать, не больше. Был он примерно на голову ниже Ратибора, но так

же невероятно широк в плечах. Волосы светлые, длинные, заплетённые местами в тугие косы что на макушке, что на бороде. Лицо волевое, угловатое и надменное, расписанное синими рунами; глаза злые, карие, колючие. Перебитый не раз в кабацких драках нос и тонкие губы, расплывшиеся в презрительной усмешке, довершали неприятную физиономию дана. Одет он был в сапоги из козьей дублёной кожи, льняные тунику и порты, подпоясанные тесёмками да поясом с болтающимися на нём узорчатыми ножнами, с торчащей из них искусно вырезанной костяной рукояткой явно не маленького тесака. Рядом же на ремне соседствовал закреплённый перевязью небольшой одноручный топорик. Довершало внешность викинга болтающееся у него на шее ожерелье из когтей и клыков довольно крупного медведя, а также широкий кожаный браслет на левой руке, с металлическими заклёпками. Мощное сложение северянина невольно вызывало уважение у любого, кому доводилось его лицезреть вблизи. Ну, почти у любого.

– Вы чего, глухие, что ль?! – норманн, крепко сжав здоровенные кулаки, более походившие на пудовые гири, встал напротив всё так же безмолвно взирающих на него друзей. – Может, тогда вам уши оторвать за ненужностью?!

Трое товарищей молчаливо стояли, с недобрым прищуром озирая наглого незнакомца. Так обычно рассматривают какую-нибудь отвратного вида заморскую диковинную животинку, готовясь щёлкнуть той немедля по носу, коли пред-

примет попытку укусить за что-нибудь очень дорогое взирающего на сие чудо дивное любознательного зрителя.

– Я никак не пойму, – наконец, громко проворчал Ратибор, вопросительно покосившись на приятелей. – С кем эта размалёванная фекалька разговаривает последние несколько минут?

– Да похоже, Рат, что сама с собой! – хохотнул Мирослав. Глаза его при этом отнюдь не смеялись, холодно разглядывая новоприбывшего наглеца.

Яромир согласно хмыкнул, внимательно наблюдая, как пристаёт к пирсу и второй драккар. Викинги начали потихоньку сходить на причал, направляясь в их сторону.

– Что ты сейчас сказал?! – карие глаза широкоплечего дана сначала ошарашенно расширились от услышанного, а затем резко сузились в гневе, вперившись в синие зыркули рыжебородого гиганта, в бездонных очах которого плясали яростные всполохи голубого пламени. – Ну-ка, повтори!

– Говорю, дерьмо ты! – Ратибор довольно осклабился, предвкушая знатную заварушку. – И племя твоё поганое, из той же смрадной глины слеплено!

– Нас тут испражнениями назвали! – слегка повернув голову, громко гаркнул варяг, обращаясь к своим сородичам, тут же возмущённо загалдевшим, после чего одной рукой медленно достал из-за пояса топор, а другой – нож. – Ты покойник, рыжий! Сейчас я тебе кишки выпущу!

Стоящая на берегу, на возвышенности сотня ватажников

из дружины Святослава мигом обнажила мечи да изготовила топоры к бою. Из них два десятка ратников споро рассыпались неплотной цепью по побережью, натянув луки и целясь в стремительно приближающуюся по пирсу к Яромиру, Мирославу и Ратибору толпу разъярённых северян, которые при виде такого манёвра русичей тут же замедлили ход. Яромир и Мирослав положили длани на рукояти мечей. Рыжебородый витязь же свою лапу с набалдашника секиры и не снимал, всё так же, впрочем, небрежно на неё облокотившись.

– Давай уже, пустомеля! – Ратибор призывно, кончиками пальцев левой руки, характерным движением поманил к себе хамоватого гостя. – Ближе к делу, хорош воздух попусту сотрясать!

– Кубальд, стой! – раздался повелительный крик. Принадлежал он шедшему впереди шайки викингов дану средних лет, выделявшемуся среди своих соплеменников в первую очередь внушительным ростом и богатым одеянием. Облачён он был в высокие, пурпурного цвета, добротные сапоги, шёлковые, украшенные причудливой окантовкой, тёмно-зелёные шаровары и рубаху без рукавов. Чёрная грива волос с точно такой же густой бородой до пупа обрамляли его обильно покрытое древними письменами обветренное, властное, суровое лицо. На поясе болтались стандартные для варягов одноручный топор и нож, отличавшиеся от оружия остальных норманнов разве что высоким качествомковки.

– Этот косолапый меня оскорбил! – взвился недовольно

стоящий перед друзьями северянин. — Я хочу его крови!

— Обожди, я тебе сказал! — подошедший дан окинул прищуренным опытным взглядом сначала замершую чуть выше береговой кромки, готовую ринуться по первому зову в бой сотню русичей, зыркнул гневно на Кубальда, заставив того нехотя отойти своему владыке за спину, после чего перевёл взор на троих товарищей и представился: — Меня величают ярл Олаф, я возглавляю эту дружину отборных душегубов! Вы нас встречаете от властителя мирградского? Обзовитесь, дабы представление имелось, пред кем речь держу!

— Меня зовут Яромир, я воевода князя Святослава, повелителя Мирграда! А это мои братья по оружию, Ратибор и Мирослав, — представил себя и приятелей светловолосый витязь, сделав при этом шаг вперёд.

— Как-то недружелюбно вы нас привечаете... Где каравай хлеба с солью, что преломить надобно с гостями дорогими? Вот так и ходи к русам с миром! — обернувшись к своим воинам, толпящимся за его спиной, хмыкнул саркастично ярл. Ватага морских разбойников, высыпавшая на причал, с большим трудом вместивший заявившуюся ораву викингов, с готовностью недовольно загудела.

— Так вы к нам с миром? — Яромир кивнул на голову дракона, украшавшую до сих пор носовую часть корабля северян. — Что-то незаметно!

— Ох, это... — Олаф раздосадованно крикнул. — Да просто убрать запомятавали, Один свидетель!

– Сразу про обе забыли? – Ратибор скользнул взглядом по второму драккару, с передка которого резную фигуру крылатого змея также никто снимать не торопился.

– Долго шли к вам по волнам бурным, устали малость в пути, вот память и подвела! – недовольно хрюкнул Олаф и с хмурой миной обернулся к своим: – Снять огнедышащих! Не будем расстраивать хозяев «радушных»! – последнее слово ярл произнёс не без издёвки.

– Да можете уже не стараться, ведь про хлебушек мы тоже запомнили, так что квиты! – Ратибор смачно плюнул под ноги главарю морских разбойников, заметно побледневшему от ярости, но всё-таки сумевшему тут же взять себя в руки. Перекошенное от гнева лицо Олафа через мгновение озарила благожелательная улыбка, когда он положил ладонь на плечо Кубальда, решившего было снова выдвинуться вперёд и принять более активное участие в продолжающейся перепалке.

– Ну нет так нет... Обойдёмся без ватрушек! Собственно, мы вообще не знали, что вы ведаете про наши обычаи, которые, между прочим, как правило, применимы только к северным народам... – ярл лениво махнул дланью своим, охотно отменяя приказ о снятии драконьих голов с драккаров, после чего не без гордости покосился на кипящего от гнева Кубальда: – Правая рука мне, а также лучший мой голово-рез! Равных нет ему в сече на всём Севере! Горяч только вот сверх меры, так что поаккуратнее, ведь стоит мне отвернуть-

ся, и ждите беды!

– Так ты отворотись, ярл! По грибочки, вон, сходи аль рыбку поуди! – Ратибор недобро оскалился. – А мы по-бырому поглядим, из какой жижицы пахучей слепили твоего бравого индюка! А то ишь, хвост распушил! И не таких петухов обламывали!..

– Мы с тобой ещё поговорим, здоровяк! – Кубальд по новой вперился гневливым взором в очи рыжебородому гиганту.

– Очень на это рассчитываю, харкота старого больного павлина, да чтоб твою задницу рой пчёл с дуплом перепутал!.. Так что смотри, Кубик, не разочаруй меня! – Ратибор ехидно фыркнул, а после почесал себе чуть пониже копчика. – А то покамест все твои сородичи убогие, попадавшиеся мне до этого, окромя презрения да жалости, более никаких чувств не вызывали...

– Да что ты! А клюв тебе, случаем, за длинный язык преломил недавно не один ли из моего народа? – Кубальд со смешком кивнул на не до конца ещё сошедшую тёмную синеву под глазами рыжего бойца.

– Да нет, Квадратик! Старичок один постарался... Из русов, ежели чего! Правда, лучше бы он не из наших был, ибо гордиться тут особо нечем...

– Ах-ха-ха! – широкоплечий викинг громогласно заржал, аки рысак взбеленившийся. – Так тебя дедуля какой отлупил, что ль?! – за ним дружно загоготала и вся ватага мор-

ских разбойников.

— Этот дедушка с закрытыми зенками положил бы всю вашу свору в одну рожу, даже не сомневаюсь! — Ратибор было насупился, собираясь ляпнуть ещё что-нибудь обидное, но могучая длань Яромира легла ему на плечо:

— Рат, угомонись, прошу! — быстро шепнул ему на ухо русский воевода. — Нам надобно довести этих пришлых северных псов до Свята, и желательно целыми и невредимыми! Князя приказ, так что хорош их задирать...

— Не уразумел сейчас, это я их задираю?!.. — Ратибор приготовил уже возмущённую тираду, но тут на второе ухо ему зашелестел Мирослав:

— Друже, будь умнее, не отвечай лаем на лай! Давай сначала до Мирграда варягов дотащим, выслушаем, чего надобно, а уж потом покумекаем, что с ними делать: замариновать в остроге, аки огурчики солёные, на дровишки распилить аль на кол усадить всех скопом!..

— Долго мы тут ещё дерево пятками месить будем? — раздался недовольный возглас из толпы данов. — Помчали уже девок местных портить!.. Душа требует утех телесных да вина бочку! — шайка норманнов согласно загудела, предвкушая намечающееся веселье.

— Ну и как тут не рыкнуть в ответ? — мрачно спросил Ратибор своих нахмурившихся приятелей, после чего раскати-сто рывкнул в гогочущую толпу: — Я вам, недоумки синемордые, ваши седалища полешками тлеющими мигом прижгу,

ежели, не приведи Сварог, хоть один волосок упадёт с какой девичьей головушки! Загоню каждому по доброму брёвнышку в задницу так, что клыки со стороны глотки в срез деревянный упрутся! Поняли меня, образины гнусные?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.